

Г.С. Эрдели

ПРОШЛОЕ ВСЕГДА РЯДОМ...

Воспоминания. Дневники

Часть III

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Воронеж-2011

Эрдели Г.С. ПРОШЛОЕ ВСЕГДА С НАМИ... Книга в 4-х частях. Часть III. Семейная жизнь. – Воронеж: электронная версия, 2011. – 59 с.

Охраняется законом об авторском праве. Нарушение ограничений, накладываемых им на воспроизведение всей книги или любой ее части, включая оформление, преследуется в судебном порядке.

Искренние и честные воспоминания Галины Сергеевны Эрдели о себе, своей молодости, первых уроках взаимоотношений с противоположным полом, о первой любви, рождении семьи, детях, любви к природе и будущей профессии, научных разработках, родителях, друзьях, учителях и о многом другом, что являлось неотъемлемой частью жизни автора.

Написанные Галиной Сергеевной откровения – одновременно радостные и грустные воспоминания – это след, оставленный в истории человечества.

Компьютерное оформление – Силкина Т.Б.

© Эрдели Г.С.

Сведения об авторе

Эрдели Галина Сергеевна родилась в Воронеже 22 декабря 1926 года, кандидат биологических наук, доцент, участница Великой Отечественной войны. В 1947 году окончила сельскохозяйственный техникум в ст. Славянской Краснодарского края, по специальности – агроном-плодоовощевод. В 1949 году поступила учиться на биолого-почвенный факультет ВГУ. После его окончания работала на Областной станции юннатов, а с 1958 года – в университете: садовником, лаборантом, преподавателем, доцентом кафедры физиологии и биохимии растений. Изучала действие регуляторов роста на растения, в том числе более 20 лет совместно с учёными университета г. Галле, Германия.

22 декабря 2011 г.

Издательством ВГУ выпущены воспоминания о военном времени: «Прошлое всегда рядом», о работе в университете: «Люди и растения в моей жизни», первое издание миниатюр: «Запахи земли», научно-популярные книги о растениях и другие.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Поклонники

Прежде надо вернуться немного назад. Первый в моей жизни молодой человек, к которому была равнодушна, и мы встречались – Коля, рабочий рыбхоза. Школу уже окончил, ждал призыва в армию. Я о нём немного говорила («Прошлое всегда рядом», изд. ВГУ, 2003 г.). Он родился 7 января 1927 года (на полгода позже меня). Сын директора рыбхоза, бывшего в то время на фронте. Хороший перенёк, умный, начитанный, помогал Александру Георгиевичу – директору рыбхоза того времени, был его первым помощником. Мы катались на лодке по пруду, каждый вечер он приходил к нам, и очень нравился моей маме. Как мне казалось, и мама ему нравилась даже больше чем я. Перед отъездом в армию, он подарил мне свою фотографию (фото 1). Мы переписывались больше четырёх лет. Все эти годы я ни с кем не встречалась. Он присылал мне свои фотографии (фото 2). Должен был приехать во время отпуска (служил в ГДР), но не приехал и написал, что не приедет, уже после возвращения на службу. Я обиделась, переписка прекратилась. Чтобы не возвращаться, скажу, что в 1961 году он, проезжая через Воронеж, нашёл нас, я жила в то время у мамы, переночевал, уехал дальше. А ещё через несколько лет демобилизовался, приехал здесь жить, получил квартиру. Мамы уже не было, приходил к нам (фото 3). Полковник в отставке, остался таким же коммунистом, хорошим человеком. Несколько лет он приходил к нам, мы звонили друг другу, потом всё заглохло. Он плохо слышал, к телефону не подходил...

Фото 1. Коля. 1944 г.

Фото 2. Николай. 1948 г.

Фото 3. Николай. 1978 г.

Я ни с кем не встречалась все эти годы, и поклонников у меня было мало. Когда училась в техникуме ст. Славянской, очень нравилась сокурснику Юре, немного моложе меня. Я о нём писала в той же книге. И, если называть всех, кому нравилась, можно сказать о молодом преподавателе химии в том же техникуме. Мы в драматическом кружке играли главную пару. Через год он уехал в поисках лучшей жизни (был не местный). А вскоре приехал на один день (как говорила наша руководительница драмкружка, хотел увезти меня с собой). По-

шёл меня проводить, зашёл к нам домой. Мы жили вдвоём с папой, мама с братом уже жила в Воронеже. И, думаю, после того, как увидел нашу нищету, желание жениться, если и было, – улетучилось. Во всяком случае, мне ничего не сказал, в тот же день уехал. Он был славный человек, но я собиралась учиться дальше, в то время переписывалась с Колей, замуж совсем не собиралась.

Итак, летом сорок девятого года прекратилась наша переписка с Колей. Поклонников в то время не было. Вообще надо сказать, у меня легко получались товарищеские, доверительные отношения с представителями сильного пола (и тогда, и сейчас). А вот тех, кто за мной бы ухаживал, – было мало. Возможно, играла роль моя армейская служба. В те годы требования к нравственности были довольно высоки, а репутация участниц войны находилась под большим сомнением, мягко говоря. Я это знала и держалась значительно строже, серьёзнее, чем хотелось бы по складу характера.

Вместе с тем стала за собой замечать, что при каждом новом знакомстве, невольно как бы примеряю – подходит ли этот человек на роль мужа? Наверное, сказывался возраст – 22-23 года. И, может, это покажется смешным, – мне захотелось ребенка. Не просто ребенка, а – своего, носить его в себе, родить, кормить грудью.

Мне самой казалось странным: не могла сказать о своей любви к детям. Я не знала, о чем с ними говорить, меня общение с детьми стесняло, чувствовала себя неловко (и сейчас также). Тем не менее, около меня часто крутились дети. Ботсадовские работники смеялись, что дети «липли» ко мне. Теперь думаю, потому, что в детях всегда видела человека, в чем-то равного, личность. И потому не «сюсюкала», не подстраивалась под них, не считала их ниже себя.

Как уже сказала, поклонников у меня было мало. За время работы в саду – двое. Один из них очень кратковременный, но оставивший самый памятный след (фотографии). Летом пятидесятого года студент геологического факультета, отрабатывал в саду свои 200 часов. (напомню, тогда, в первые послевоенные годы, мы все бесплатно отрабатывали по 200 часов на восстановление города. Воронеж был почти полностью разрушен, оставались неповреждёнными около 3 % зданий).

Славный паренёк, видимо, немного моложе меня, приехал с фотоаппаратом и всю плёнку потратил, снимая, в том числе, однажды с ним вдвоем (фото 4).

На другой день принес пачку фотографий, которые целы и сейчас. Жил он в общежитии и, мне кажется, его увлеченность вызвала подшучивание товарищей. Это я поняла из высказывания студента – биолога, проходившего у нас практику и жившего вместе с Лёней. Лёня сразу же уехал на свою практику, на этом всё закончилось.

Более значительным оказалось знакомство со студентом лесного института. Зимой, в одно из воскресений, я днем пошла в кино. Около кассы в «Спартаке» стояла очередь, человек в 20. Моя очередь уже близко к окошечку кассы, когда подошел паренек и спросил, могу ли взять ему билет (фото 5).

Фото 4. Мы с Лёней в ботаническом саду университета

Сидели мы рядом, разговорились, проводил меня до дома, договорился о новой встрече. Володя стал бывать у нас почти каждый вечер. Наступила весна, стал приходить в ботсад. Об этом тоже осталась память – снимки у березы, цветущих яблонь старого сада. Он мне нравился, но что-то в нём мешало. Однажды зимой он ушел от нас довольно поздно, и через несколько минут вернулся: «Разрешите, я у вас переночую. Мне дорогу перебежала чёрная кошка, и, боюсь, не случилось бы чего – путь не близкий и поздно».

Ну, не выгонишь же! Постелить ему пришлось на столе – больше места не было. Жили мы в то время очень бедно, лишнего постельного белья не было. Да и сам поступок мне не понравился – что это за мужчина, боится чёрной кошки!

А летом произошел случай, после которого мне не захотелось вообще его видеть. Он рассказал посмеиваясь, что они с товарищами поймали у себя в общежитии крысу, связали и стали через неё пропускать ток. Чтобы она кричала и пугала своих сородичей. После этого я стала испытывать к нему брезгливость. Он заметил: «Галя, что случилось, почему ты так стала держать себя со мной?». «Не могу понять, как можно было так мучить живое существо. Понимаю, что крысы мешают, что их надо убивать. Но – так мучить?». «Так это из-за той крысы? Ну, если бы она мне сейчас

Фото 5. Я (слева) с Володей и Лидой

попалась, я бы и не то с ней сделал!». «Ну, вот, видишь. Ты ничего не понял. Лучше нам не встречаться».

А он рассчитывал, когда закончит учебу, мы поженимся. Показывал снимок строящегося дома, где мы будем жить. Не помню, где-то на Волге, кажется. Мне никогда не хотелось выходить за него замуж.

Встретились мы на улице почти через три года. Я держала на руках годовалого первенца – Петю. Жилось мне тогда трудно, что было заметно – очень похудела. Володя подошел, поздоровался и говорит: «Я заканчиваю учебу и уезжаю. Поедем со мной. Я же вижу, – тебе нелегко живётся. Вырастим сына, всё будет хорошо. Я в обиду тебя не дам».

Тронули меня эти слова, но ни секунды не собиралась уйти от Кронида – очень его любила. И никогда об этом не пожалела.

Пятьдесят первый год я встречала в необычной кампании. Были там студенты биологи, филологи, геологи. Сидели до рассвета, домой пошел провожать будущий геолог – Олег. Славный, интеллигентный паренёк.

Стал приходиться по вечерам, заходить за мной в университет. Мы ходили по нашей Средне-Московской улице, разговаривали. При этом, если со мной бывала сумочка, он её носил. Что было для меня необычно.

Прошел январь, он уехал на каникулы домой. А в начале февраля произошли события, круто изменившие мою жизнь. Но началось всё значительно раньше, ещё летом пятидесятого года.

Я возвращалась домой с букетом полевых цветов, которые очень люблю. В трамвае оставалось одно свободное место. Напротив сидели два молодых человека – студенты ЛТИ. Один из них – коренастый брюнет, стал подшучивать, что-то по поводу моих цветов, знаю ли их названия, где я работаю...Его сосед – блондин тоже включился в беседу. Мы всю дорогу шутили, и мне очень понравился мой визави, может, потому, что в его тёмных глазах была какая-то грусть, что-то таинственное. Его сосед вышел раньше, а мы ехали до «Пролетария». Дальше наши пути разошлись: мне – направо, ему – налево. Он по дороге всё допытывался, как меня зовут, но я не сказала.

А зимой...

Молодежь в те годы увлекалась катанием на коньках. Несколько стадионов города превратили в катки. Там горели фонари, играла музыка, было празднично и весело. Работала и раздевалка, где можно переодеться, отдохнуть, погреться около печки.

В детстве на коньках, лыжах я не каталась, мои подруги тоже. Нас увлекали санки. Наступал вечер, мы шли на улицу (ныне – Пятницкую) и катились на санках вниз, до пересечения с Мясной горой. Поворачивали влево и по Мясной горе продолжали путь до Правой Суконовки. Здесь пешком поднимались по улице вверх и как раз напротив нашего дома, проходили через чужой двор, поднимались по обрыву. Так получалось, что обратный путь с санками раза в три-четыре короче. Правда, соседи поругивали нас, но мы ухитрились через их маленький дворик проскочить.

Вечером движение по нашей улице небольшое, но однажды едва не угодила под машину. Шофёр успел затормозить, выскочил, и с криком: «Ах, ты, чертёнок!», бросился ко мне. Не ударил, хотя, наверное, очень ему этого хотелось, – напугался.

Так вот, в ту зиму мой брат Олег стал учить меня кататься на коньках. Мне родители подарили коньки, конечно, с ботинками. Мы стали ходить на стадион «Труд». Несколько раз ходили вместе. Олег – высокий, крепкий парень и хорошо поддерживал меня на льду. Я сделала небольшие, но успехи. И когда он как-то не смог пойти со мной на каток, рискнула отправиться одна.

Скольжение по льду под музыку среди множества людей – незабываемо радостное чувство! Сделала круг, пошла отдохнуть. Села на лавочку, и хотя в раздевалке народу было много, напротив меня оставалось (как тогда для меня в трамвае) одно свободное место. Вижу, на него садится тот молодой человек, с которым мы летом ехали вместе в трамвае, и который мне понравился (фото 6).

Фото 6. Кронид

И спрашивает: «Девушка, скажите, вы не из ботсада?». – «Да, из ботсада». – «Вы тогда так и не сказали как вас зовут. Может, теперь скажете?». Так мы познакомились, стали ходить вместе на каток. Потом он стал заходить за мной на работу (в ботсад!). Мы часто сидели там, тихо разговаривали, молчали, и даже не обнимались. Я узнала, что он в прошлом году закончил учебу в ЛТИ, работает таксатором – лесоустроителем. Весной выезжает на всё лето до глубокой осени в командировку, обследовать леса Сибири. Живет с матерью, отец давно умер. Мать – учительница физики, с ней у него нет душевной близости, она очень меркантильный человек.

«Она для меня – чужой человек. Но я её никогда не оставляю, не брошу». Эта фраза часто звучала и позже, хотя я никакого повода к этому не давала. Встречались мы, практически, ежедневно. В начале апреля сказал: «Может, давай, поженимся перед моим отъездом?». Я не только согласилась – обрадовалась, очень уж была влюблена.

Прошло сколько-то времени. Настал день, когда он решил познакомить меня с матерью. Конечно, точнее, – наоборот, – меня представить ей для обозрения, и, надо думать – для согласования. Сердце мое не замирало, не помню, чтобы волновалась, но интерес был. На встрече присутствовал и его друг – Коля, они вместе учились в институте. Пришли мы к Крониду домой, он побежал за бутылкой, чем-то съестным.

Помню, меня удивило, что дома не было денег, и он взял пустые бутылки, чтобы их продать. Его мама – Надежда Николаевна Шипулина, хотя я не спрашивала, – объяснила: «На полученную зарплату я сразу покупаю продукты, тогда деньги и не нужны». Ну, каждый, по-своему, ведёт хозяйство.

Не скажу, что она мне понравилась, ведь я была уже заранее предупреждена и предубеждена. Но не появилось во мне и неприязни – только любопыт-

ство. А дом произвел на меня большое впечатление – сплошная романтика! И началась она с улицы (фото 7).

Фото 7. Таким я впервые увидела этот дом

Старо-Московский переулок расположен на распутье: от водоразборной колонки улица Карла Маркса продолжается вниз чуть левее переулка, правее – идёт улица Петра Алексеева, а Старо-Московский переулок между ними спускается к реке по крутой мощёной булыжником горе с железными перилами. Примерно посередине горы с левой стороны находился их дом номер 25 в углублении – «кармашке». Здесь до войны стоял большой дом, он сгорел. Около дома Кронида росла молодая яблоня – грушёвка, наполовину обгоревшая. Похоже, она уберегла их дом от огня.

Дом разделен на две половины, с отдельным входом по противоположным сторонам. В каждой половине по комнате (14 м²) и кухне (11 м²). Одну половину занимали Кронид с матерью, в другой жили квартиранты: в комнате мать с дочкой – пионеркой, в кухне – пожилая женщина и её взрослая дочь. Квартиранты вселены после освобождения Воронежа руководством города. Воронеж война разрушила очень сильно, и в свободные квартиры начальство вселяло жителей. Матери и Кронида в городе сразу после освобождения не было. Кронид – в армии, мать еще не возвратилась из Луцка, где они жили во время оккупации.

Романтика встречала и внутри дома. Дом «дышал» стариной – низкие потолки, маленькие окна. В кухне на полу доски прогнили, из мебели только кухонный столик – шкафчик и стулья. В комнате тоже с мебелью туговато – диванчик, на котором спал Кронид, деревянная кровать матери и большой дубо-

вый стол. В углу на полу стопками лежали книги. Но главное – на стенах – картины настоящих мастеров, среди них – Айвазовского, один из этюдов «Девятого вала» и старая картина зарубежного художника, подпись неразборчива. На полу, около диванчика и кровати – коврики из козьих шкур.

В комнате три маленьких окна, два из них – на улицу, одно – в соседний двор. Комната светлая, солнечная. В кухне только одно окно, с претензией на итальянское – широкое. К сожалению, эта сторона выходила на земляную стену: соседний двор располагался метра на четыре выше, потому кухня освещалась плохо.

Замужество

Кронид часто бывал у нас, но знакомить родителей не хотел. Говорил: «Чем позже узнают друг друга, тем лучше для нас». Может, он побаивался, что узнав его мать, родители сумеют меня отговорить? Так до свадьбы они и не познакомились.

Против моего замужества мои родители не возражали, хотя, надо сказать, от Кронида не были в восторге, особенно мама. Но мне ничего не говорили, видели, что я влюблена. Мать Кронида его женитьбу, думаю, не одобряла главным образом из-за материальных соображений. Мы жили бедно. Только-только закончилась выплата моего долга, зарплата небольшая, после войны ещё не оправились – в Воронеже всё имущество пропало, из армии ничего не привезли, к тому же переезды из города в город – словом, «голь перекатная».

Кстати, у Кронида тоже с материальным положением было не лучше.

Я собиралась «расписаться» весной, а переехать к ним жить после его возвращения из командировки, осенью. Кронид не возражал. Но моя мама – мудрый человек, на всякий случай сшила мне новую ночную рубашку.

Кронид назначил день, когда мы с ним пойдем подавать заявление в ЗАГС. Договорились о встрече. Но к договоренному времени он не пришел, и я поехала в ботсад на работу. Говорят же: «Чему быть, тому не миновать», – сошла с трамвая, а мне навстречу идет Кронид. Ходил в институт, уж не знаю, по каким срочным делам. Вид у него был несколько растерянный, явно не ожидал меня видеть, но я не придавала этому значения. Вернулись мы, пришли в ЗАГС, а там надо заплатить за подачу заявления три рубля, которых у Кронида не оказалось.

Все-таки временами я бываю необыкновенно глупа и бесхарактерна, могу совершить по доверчивости и уважению к человеку, неблагоприятный поступок. Но здесь речь шла только о доверчивости и глупости. Кронид явно оттягивал событие. Но тогда я ни о чем не думала. Пошли мы к моим родителям, и они, конечно, дали искомые три рубля. Заявление мы подали 18 апреля 1951 года. Регистрация брака 24 апреля, через неделю.

В те годы оформление брака проходило отнюдь не торжественно. В комнате мы сидели на стульях друг против друга вдвоем, без свидетелей. Сидящий за столом мужчина выдал удостоверение о браке, пожелал всего доброго. Здесь,

в этой комнате, в журналах отмечались все важные события – бракосочетание, рождение ребенка, разводы, смерть человека.

Мои родители организовали праздничный стол, за которым кроме родных была моя подруга Рита Лебедева и папин сослуживец – наш сосед. Помню, был товарищ Кронида Коля. Кронид пришел не в парадном костюме, обычном. Как он сказал, хотел подчеркнуть этим, что нас ждет повседневная, трудовая жизнь.

«Горько!» почти не кричали – Крониду это не нравилось. Тем не менее, я была «на седьмом небе», ничего не замечала, и только не знала, как мне быть: идти к нему сейчас, или ждать до осени. Кто-то сказал, что молодой муж может смертельно обидеться, если я сейчас не пойду. На мой вопрос Кронид сказал, пусть будет так, как я хочу. Ну, я пошла к ним. Папа проводил до дома, посидел немного. Не знаю, какое впечатление произвела на него моя свекровь и квартира.

Фото 8. На другой день после свадьбы. Слева направо: мама Кронида, Кронид, я, Рита

Накануне вечером, когда я легла спать и уже засыпала, мама и папа, думая, что сплю, тихонько присели на мою кровать, молчали. Я слышала, но не подала голос – мне было так их жалко, уж и не рада своему замужеству, хоть бы и отменить свадьбу! Чувствовала, что Кронид им не очень нравится, особенно маме. Родителям, наверное, почти всегда хочется кого-то, с их точки зрения лучшего. Но идеальных людей ведь не бывает.

Как я позже поняла, для Кронида была важна регистрация брака как свидетельство того, что он не свободен. Утром, когда мы еще не вставали, пришла телеграмма: «Вызываетесь на переговорный пункт». Вечером его ждали на телеграфе для разговора с Киевом. Там жила его бывшая любовь. Чем-то она его обидела, и его любовь прошла, а её, видимо, стала сильнее. Она рассчитывала

на замужество, а он жениться не хотел. Позже она прислала два больших письма, на которые ответила я, – Кронид уже был в Сибири. Ответила по-доброму на её горькие, обиженные слова. Больше писем не приходило.

Тогда я поняла, что с Кронидом надо держаться очень осторожно. Он был болезненно обидчив, подозрителен и недоверчив, вечно боялся оказаться в смешном положении, в «дураках». Это очень осложняло и ему жизнь, и тем, кто рядом. Постоянно надо было следить, чтобы ненароком не сделать ему больно

Многое в нас зависит от окружения, особенно в раннем детстве. Чтобы понять это, надо рассказать о его родителях. В основном знаю это по рассказам свекрови. Когда Кронид уехал, и мы впервые остались вдвоем, она не один вечер рассказывала о себе. Кое-что рассказал и Кронид.

Фамилия

Как говорила свекровь, фамилия Эрдели – венгерская, точнее – мадьярская. Когда-то в Россию из Венгрии приехали два брата, остались, женились, обрусели. Уже отец Крониды числился русским.

От одного брата пошла ветвь, в которой известна профессор консерватории, заслуженная артистка Ксения Александровна Эрдели, бывшая арфисткой еще в императорском театре. В пятидесятые-шестидесятые годы хорошо была известна Эрдели Ольга, она часто выступала с игрой на арфе на радио. Меня в те годы нередко спрашивали, не моя ли она родственница. Сейчас всё это забыто.

Кронид сделал попытку установить наше с ними родство, и вообще узнать что-то о своих родственниках. Возвращаясь из экспедиции, заехал к Ксении Александровне. домой. (Узнал адрес через адресный стол). Явился неожиданно, без звонка, не бритый, после полевых работ, в соответствующей одежде, сапогах...

Она приняла, хотя вначале, как он говорил, немного испугалась. Обещала узнать о родословной. Позже прислала письмо, привожу его текст.

«Архангельское 11 сентября 1961 г.

Уважаемый Кронид Петрович!

Не удивляйтесь моему письму. Перелистывая блокнот, я нашла в нем запись Вашей фамилии и вспомнила о Вашем визите.

Вероятно, в этот момент была чем-то озабочена или куда-то торопилась, а потому была несколько невнимательна к Вам. Да Вы и сами отчасти в этом виноваты, т.к. могли о своем визите предупредить меня по телефону (по справочному это очень просто).

Теперь я вспоминаю, что обещала Вам при помощи моей кузины найти родословную семьи Эрдели и уловить общую родственную связь. Мне самой это хотелось бы.

Я очень огорчена, что в настоящее время не осталось ни одного представителя мужского поколения семьи Эрдели. Мой брат – Олег Александрович и несколько двоюродных братьев эмигрировали за границу.

А мой старший брат Петр Александрович и двоюродный брат Александр Владимирович погибли – очутились жертвами репрессии.

Если я получу от вас ответ, я выполню свое намерение и буду очень рада, если окажутся общие нити нашего родства. А также буду рада познакомиться с Вами.

Шлю Вам сердечный привет и жду Вашего письма.

С 15 сентября мой адрес Москва К – 9, Брюсовский 7 кв. 53

Ксения Александровна Эрдели Тел. Б – 9 – 60 – 66

Подпись: К. Эрдели

11 сентября 1961 г.»

Она говорила о кухне, а я думала, что это её дочь, значит, ошибалась. В декабре 1964 года я в Москве работала в библиотеке, готовила диссертацию. Позвонила ей и пришла с веточками белой сирени.

Ксения Александровна жила в большой квартире близко от консерватории, на улице Неждановой, вдвоем с женщиной. Во время войны они ездили в одной концертной бригаде на фронт, женщина была чтицей. После войны она так и осталась, видимо, на правах экономки, поскольку значительно моложе. В одной комнате у Ксении Александровны вся стена занята большими фотографиями известных певцов и других деятелей искусств, с теплыми дарственными надписями. Мне неудобным казалось рассматривать снимки, успела увидеть большой портрет Собинова в профиль, с дарственной надписью.

Меня угостили яблоком (на тарелочке, с ножом, а я – строптивый неуч – стала кусать). Ксения Александровна – профессор консерватории, подарила мне программку выступления своих учениц по классу арфы, и обложку журнала с ее большим портретом около арфы. Это было в связи с ее юбилеем в 1962 году (80 лет).

Мы поговорили, потом она взяла меня на генеральную репетицию выступления её учениц. Шли пешком – близко, но она с палочкой, возраст давал себя знать. По дороге рассказала о женщине, с которой жила, пожаловалась: «Как она мне надоела! Но и без неё я не могу». Я не удивилась. По развитию та заметно далека от рафинированной Ксении Александровны, причем очень командовала в мелочах. Это увидела даже я.

Ксения Александровна мне понравилась. С ней было легко и интересно. Во время игры одной из её учениц сказала, что не любит Дебюсси. А я наслаждалась звуками, и не очень тогда это поняла. Не помню точно её слов, но смысл такой: Дебюсси композитор из числа модных в то время, кто своей музыкой – «показывает», но не действует на чувства. Это мне тоже кажется недостатком.

У Бунина есть замечательное стихотворение, в котором последнее четверостишие очень точно передает такое ощущение:

*Нет, не пейзаж зовет меня,
Не краски жадный взор отметит,
А то, что в этих красках светит –
Любовь, и радость бытия.*

Наверное, потому красками юга – голубым морем, кипарисами, можно долго любоваться. Но «берут за душу» только наши – лес, поле, речка, озеро. Душой можно отдохнуть только в нашей стороне.

Ну, это я далеко ушла, пора возвращаться!

Ксения Александровна приглашала к себе ещё. Но я постеснялась, музыкально совсем не образована, хотя музыку люблю. Наверное, зря постеснялась. О родственных связях она ничего не смогла узнать, но интересно, что Кронид очень был похож на неё лицом и фигурой.

Больше мы с ней не встречались, она умерла, кажется, в 1970 году. А недавно (в начале осени 2002 года) моя близкая подруга услышала по радио отрывок передачи об арфистке Эрдели в связи с её юбилеем. Она не поняла о какой арфистке шла речь – о Ксении Александровне или Ольге. Только услышала, что «...в семье Эрдели нет мужского поколения, потому род угасает. В Воронеже, в университете работает племянница – доцент Галина Сергеевна Эрдели». Откуда эти сведения, не знаю. Наверное, надо бы написать на радио, узнать подробнее. Я-то ведь только по мужу Эрдели, но продолжателя рода, мужчины, действительно, и у нас нет.

Осенью уже 2006 года младшая Эрдели Галина Сергеевна – дочка Сережи, по интернету нашла сведения о фамилии.

«Эрдели. Наиболее известная из русских фамилий венгерского происхождения. Известен род Эрдели, потомков переселенца в Россию в 1740 году. Венгерская форма этой фамилии Erdelyi – житель Erdely (т.е. Трансильвании)».

Дальше говорится об Эрдели Иване Георгиевиче (15.10.1870-07.07.1939). Был женат на племяннице жены Л.Н. Толстого. Из дворян Херсонской губернии. Окончил кадетский корпус... Большой послужной список, в т.ч. с 12.09.1900 г. адъютант штаба генерал-инспектора кавалерии великого князя Николая Николаевича. С 18.10.1914 г. командующий 14-й кав. див. Принял активное участие в выступлении генерала Корнилова

29.08.1917 г. арестован. В октябре 1917 года освобождён (или бежал), уехал на Дон, с первых дней принял активное участие в формировании Добровольческой армии.

В эмиграции работал аккомпаниатором, шофёром. Активно участвовал в деятельности РОВС и других организациях. Скоропостижно скончался в Париже. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа.

Сведения в интернет взяты из биографического энциклопедического словаря «Кто был кто в первой мировой войне» (М., 2003) и Военно-исторической библиотеки (М., 2003).

Этого Эрдели упоминает А. Толстой в книге «Хождение по мукам». Таким родством я бы гордиться не стала.

Там же в интернете сведения о присвоении звания почётного гражданина города Елисаветграда бывшему херсонскому губернатору тайному советнику Александру Семёновичу Эрдели. Жители города, обращаясь к Эрдели пишут: «Более четверти века Ваше имя неотлучно с Херсонской губернией. Занимая сначала должность председателя херсонской губернии земской управы, а затем

пост херсонского губернатора...» (23 июня 1890 г.). Получено разрешение (утверждение) императора 25.10.1890 г.

(Исторический очерк г. Елисаветграда. ОУН Б Кировоград, 1998. – 2003. Webmaster).

Наверное, Ксения Александровна – дочь этого губернатора. В 1962 г. ей исполнилось 80 лет, вполне могла быть его дочерью. А Иван Георгиевич – племянником.

Родители Кронида

Мать – Надежда Николаевна Шипулина родилась в 1902 году в Санкт-Петербурге. Отец – инженер, судя по фотографии, в форме. Не знаю, по какой причине и когда они переехали в Минусинск. Отец не работал из-за болезни. Мать – фельдшер, одно время уходила из семьи, чего свекровь простить так и не смогла. Об этом – позже.

Как стало позже известно из интернета, в 1740 году в Россию переехали из Трансильвании два брата, и от одного из них пошла ветвь, к которой принадлежали родители Кронида – Смоленские Эрдели. О родителях его отца мне известно мало. Знаю, что дворяне. Жили в Смоленске, дружили с семьей Энгельгардтов. Картины у Кронида получены от них. Отца звали Петр Яковлевич, имени матери не знаю.

Моя свекровь одно время, судя по всему, короткое, связанное с рождением Кронида, жила у них и жаловалась на свою свекровь: «Она меня не приняла. Относилась очень пренебрежительно». Действительно, с точки зрения дворян, это был мезальянс. Но может быть и потому, что мать чувствовала отношение к её сыну.

Как-то свекровь сказала: «Ты очень любишь Кронида, а у меня любви не было. Я хорошо относилась к своему мужу, уважала его, но это не было влюбленностью. Здесь выбирала, в основном, мать. В 1919 году в Минусинске, где я жила, на какое-то время останавливалась воинская часть. В ней служил мой будущий муж, юрист. Он в меня влюбился и просил моей руки. А мне было только 17 лет» (фото 9).

Была она, действительно, судя по фотографиям, хорошенькая, с косой, черными глазками. Невысокого роста, кругленькая, славная фигурка. Её мать, фельдшер, очень ухватилась за возможность брака. – Жених образован, интересен, правда, невысок ростом, но всё же выше будущей невесты. И, как говорила свекровь, хорошо сложен (фото 10).

«Мать моя приняла его очень хорошо и уговорила меня: «Ты подумай, – говорила она, – Он такой

Фото 9. Надежда Николаевна Шипулина в 17 лет

Фото 10. Пётр Яковлевич Эрдели – офицер

интересный, такой образованный, много денег получает. У тебя будет совсем другая жизнь, чем здесь. Поедешь в центр России. Где ты такого жениха здесь найдешь?» Ну, а я в то время поссорилась с парнем, который за мной ухаживал, и с которым мы встречались. Подумала – выйду замуж за такого видного мужчину, пусть он тогда локти себе кусает! И вышла, назло тому парню. Не испугало, что у мужа маленький сын, жена умерла при родах.

«Муж мой меня очень любил. Он понимал, что я его не люблю, но считал: ещё молода – всё придет. Так мы и жили целый год, ездили с частью. Но он только считался мужем. Когда наступала пора ложиться спать, он выходил на улицу, ждал, пока я разденусь и лягу. В конце концов взмолился: «Не выгоняйте меня, когда ложитесь, все женщины села надо мною сменяются – что же я за муж такой!». – Они всё это время были на «Вы».

«Ну, я и пожалела его. Стали мы жить вместе уже как настоящие муж и жена. Очень он меня любил и говорил, что впервые любит. Когда я сказала: «А как же первая жена, от которой сын?». Он помрачнел: «Так получилось, так было нужно».

Как рассказывала свекровь, это несчастливый брак, заключённый в результате офицерской пирушки. Отец Кронида слыл сердцеедом. И однажды, когда все находились в значительном подпитии, кто-то на спор сказал, что ему не получить согласия на брак у Н. Но согласие было тотчас же получено, и ему ничего не оставалось, как жениться.

Кронид родился в Смоленске 4 июня 1924 года. Имя ему дал отец, когда свекровь ещё находилась в родильном доме.

«Я буду счастлив, если сын будет похож на того Кронида, в честь которого назван» – так он сказал. Имя редкое, встречается в литературе XIX века в среде писателей и юристов. Есть оно, как говорят, и в святцах, рядом с Леонидом.

Видимо, вскоре они стали жить отдельно от родителей, теперь уже вчетвером, вместе с сыном от первого брака – Яшей. Мне кажется, трудно было ребенку в этой семье. Вот слова свекрови: «Я говорила мужу: «Почему ты его никогда не приласкаешь?». Сама свекровь – не ласковая женщина. Судя по фотографиям, Яша менее обихожен, чем Кронид. Кронид его любил и вспоминал, что старший брат о нем заботился и любил его (фото 11-12).

Я удивлялась – почему говорили ребенку, что он ей не родной, что она не мать? Своей матери он не знал, она умерла во время родов. Никто из окружающих на новом месте тоже их не знал, так что не мог рассказать. Кажется, такого малыша будешь ещё больше любить. Но, мо-

Фото 11. Кронид с Яшей, 1928 г. (?)

жет, ему не причиталась бы пенсия? Яша родился в 1917 году.

Кронид рассказывал, что когда Яша подрос, он ушел из дома (в 15 лет) и что с ним, осталось неизвестным. Отец его в то время уже умер.

(Примечание. О судьбе Яши Кронид ничего не знал. Но совсем недавно Наташа по интернету узнала, что родных Яши разыскивает его дочка. Великое дело – интернет! Если кратко – познакомились, теперь у Наташи есть двоюродная сестра, ей 70 лет, живёт с семьёй в Новочеркасске. Общаемся, ездим друг к другу в гости. Яша жил в Ялте, работал поваром. Был призван в армию. Погиб в начале войны.

Думаю, он уехал к бабушке – матери свекрови, она его, маленького, растила несколько лет, жила в то время когда он ушёл из дома, в Ялте)

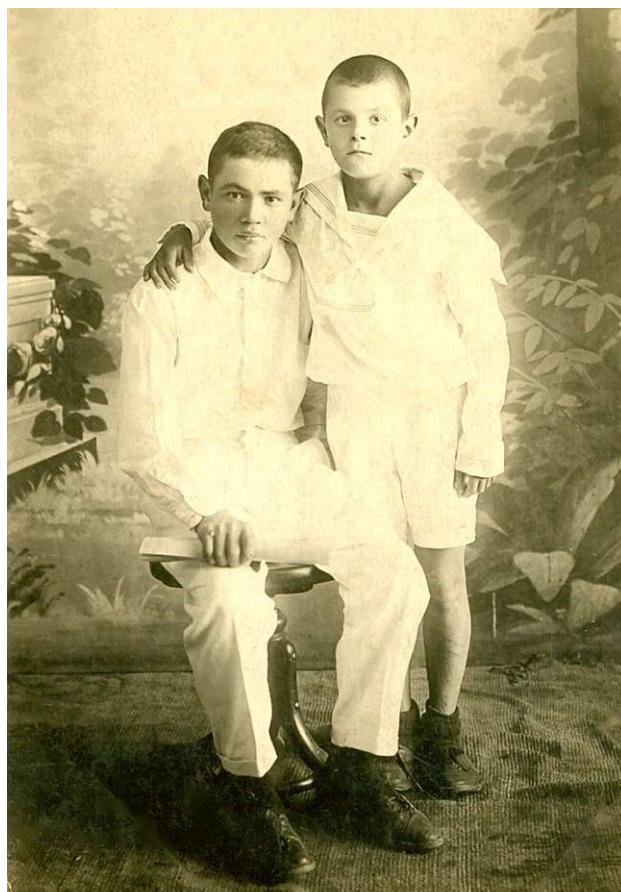

Фото 12. Кронид с Яшей. 1932 г. (?)

Отец Крониды в конце двадцатых годов по настоянию жены уехал работать юристом на Алдан – там зарплата намного выше. Вскоре заболел воспалением легких. Лечился в Крыму, но не помогло, в 1930 году умер. Там, на Алдане, и похоронен.

Свекровь жила с детьми в Минусинске, стала работать и начала учиться в институте. У них был свой дом, огород, корова, любившая ходить по чужим огородам. Кронид иногда вспоминал эту корову, как очень умную и хитрую – никогда не попадалась, посещая неположенные места.

Вскоре свекровь стала жить с братом того паренька, с которым встречалась перед замужеством. Но она не хотела регистрировать брак, чтобы сохранить пенсию на Крониды. (А может, и на Яшу?). Это вызвало недоверие её гражданского мужа: «Ты не хочешь регистрироваться, чтобы могла в любое время уйти от меня?». Стал крепко выпивать и в порыве ревности мог гоняться за ними с топором. Кронид потребовал, чтобы они уехали, и чтобы она никогда больше не выходила замуж. «Я сказал матери, чтобы в доме больше не бывало мужчин, иначе я уйду. Как Яша».

В Воронеже

И в 1934 году они переехали в Воронеж. Она продолжила учебу в ВГУ на физическом факультете. На деньги, собранные от продажи коровы, дома, купи-

ла половину дома на Старо-Московском переулке. (Дом, в котором они жили считался половиной, другая половина сгорела во время войны).

В 1942 году они оставались в Воронеже – говорили, что Кронид болел воспалением легких. О том, как выгоняли из Воронежа, они не вспоминали. Раньше уехали в Луцк, где жил её брат. Там работали на метеорологической станции.

Да, детство у Крониды было нелёгким. Однажды, в минуты раздражения, он сказал: «Что ты знаешь о жизни? Ты не знаешь, что пришлось мне пережить, когда в Минусинске этот муж матери гонялся с топором, пьяный. Где мы только не прятались! А в Луцке, перед отступлением, один немец искал меня, хотел застрелить. Я несколько дней в подвале за бочками сидел».

Думаю, на характер Крониды, его отношение к жизни повлияло и то, что он несколько лет отдыхал с матерью в Ялте у бабушки. Мать моей свекрови в эти годы работала фельдшером в санатории, у неё они и жили.

Санаторий для взрослых совсем не подходящее место наблюдательному мальчишке. Тем более, что у матери, судя по её рассказам, поклонники бывали. Один мужчина хотел остаться с ней навсегда, но она не разрешила бросить жену с двумя детьми. Хотя, как она говорила, он ей очень нравился.

Несмотря на то, что несколько лет свекровь отдыхала летом у своей матери, натянутые отношения сохранились. Она не могла простить матери многое. «Я не могу простить ей не только моего замужества. Я не могу простить, что она оставляла нас, уходила к другому. Я с двумя братьями и отцом оставалась за хозяйку, а мне не было ещё и 14 лет. Отец был нездоров, не работал. Я ходила на рынок, готовила, кормила их. Тогда в Сибири на рынке продукты стоили дёшево – в лесу много дичи. А вот конфеты нам перепадали редко – делила всем по леденцу». У свекрови было два брата, судя по снимку, где они детьми втроем, братья немного моложе её, но между собой почти ровесники.

Через некоторое время мать в семью вернулась. «И ещё не могу простить, что она забрала назад ковёр, который мне же подарила, когда я выходила замуж. Мне было так стыдно перед мужем: прихожу домой, а ковра нет».

Вскоре после нашей свадьбы свекровь позвала нас с Кронидом послушать свое письмо к матери. Запомнились слова: «Вот, ты говорила, что мы не вспомним о тебе, и когда Кронид женится даже не сообщим. Так вот, сообщаю – Кронид женился».

Очень сухое, официальное письмо и послано через адресный стол Ялты. Ответа не последовало. В этот же год осенью, кажется, в сентябре, она получила письмо от брата. Брат сообщал, что у матери инсульт, паралич. Он взял её к себе, и чтобы ухаживать за ней, жена оставила работу. Второй брат стал ему присылать для матери какую-то сумму. Надо, чтобы и она присылала ежемесячно.

Через несколько дней после получения письма свекровь спрашивает: «А ты знаешь, я думаю, не забрать ли мать к себе? Это будет дешевле. У неё пенсия, и братья станут присылать...». Я говорю: «Дешевле это вам не обойдется. Ведь у нас ухаживать за ней некому – я учусь, вы работаете. Придется кого-то

нанимать. А потом, это же больной человек, ей нужно чего-то вкусного, винограда...». – «Ну, тут уж не до винограда!».

На эту резкую отповедь я не знала, что ответить, замолчала.

В следующем месяце прочитала мне письмо брата: «Мама умерла. Деньги больше можешь не присылать. Памятник и оградку мы поставим сами». Не знаю, послала ли она деньги. Вечером поплакала, лёжа в постели. На этом переписка с братьями закончилась. Ни до, ни после при мне никакого общения не было.

Трудный характер был у свекрови. Но доставалось от него не меньше, а, пожалуй, больше, ей самой. Как-то она посетовала, что не чувствует ни от кого любви, что она очень одинока и несчастна. И это было правдой – любовь ведь чувство взаимное. Но в любви нуждается каждый человек, даже если он сам не любит.

Убеждена: в жизни всё похоже на бумеранг, он ведь возвращается. Потому, что пошлешь, то и вернётся. В народе это хорошо известно по поговорке: «Что посеешь, то и пожнёшь». Теперь уже по себе знаю, – чем больше отдаёшь (бескорыстно!), тем больше получаешь. Да, отдавать надо только бескорыстно, не думая о выгоде, это обязательно.

Ну, пока на этом о родственниках Кронида закончим. Вернусь к началу семейной жизни.

Начало моей семейной жизни

В самом начале семейной жизни пришлось испытать неловкость. Заменявший Сергея Владимировича в руководстве садом Сергей Иванович Машкин сказал, что надо или переходить на полную ставку, или освободить место: саду нужны рабочие руки. И это было справедливо.

С большим смущением сообщила об этом Крониду. «Ну, что ж, бросай работу, – ответил он. – Я считал, что ты хочешь закрепить это место за собой. Конечно матери это не понравится, но это неважно».

Начались экзамены за второй курс, а свекровь затеяла ремонт. И хотя ремонт не серьёзный – побелка, но время отнимала. И я не успевала готовиться. Да и была какая-то – заторможенная.

Экзамен по микробиологии не сдала. За спинами сидящих впереди меня студентов лежали конспекты лекций, но не могла «шпаргалить», не умела и не захотела. Попросила, чтобы оценку не ставили. По английскому языку (с ним я познакомилась только в университете) тоже не захотела «тройки» – стипендию с ними не давали.

Следующий экзамен по истории партии. Кронид и свекровь ушли на работу, я легла спать. Проснулась часов в одиннадцать, и – бегом в университет. А там уже последний студент отвечает. Девчонки на меня набросились: «Где ты гуляешь? Мы уже тут с ума посходили, – что случилось?».

Взяла я билет и без подготовки ответила на отлично. Видно, просто надо было выспаться. Через день и микробиологию сдала на пять, и всё пошло, как надо.

А тут подошло грустное время – пора отъезда Кронида в Сибирь. Он уезжал 18 мая. До ноября – целая вечность! За день до его отъезда свекровь задержалась с работы (преподавала физику в школе на левом берегу). Уже к вечеру пришла усталая, в авоське матерчатый мешочек с чем-то.

Кронид увидел и так радостно говорит: «Ты конфеток купила?». «Какие конфетки? Это я манку купила, в очереди два раза постояла». И, повернувшись ко мне: «Кронид уедет, пироги будем печь».

Его ввел в заблуждение мешочек – в нём когда-то были подтаявшие леденцы. А меня поразило желание готовить что-то вкусное, когда Кронида не будет дома. Для меня без него «мир рушился». На следующий день купила конфет, положила кулёчек ему в чемодан. Он заметил: «Спасибо. Я не привык к такой заботе».

На вокзале у вагона свекровь, вроде с усмешкой, шутя, ему говорит: «Ну, попробуй теперь чаще писать, чем ты мне писал!». А писал он раз в месяц и даже реже. К великому моему огорчению, чаще писать он не стал и во все последующие годы.

Уехал Кронид таксировать леса в Тюменскую область, Ялуторовский район.

Что такое «таксация»

Кронид закончил лесной институт, и стал работать в Воронежской лесо-устроительной экспедиции, там было несколько лесоустроительных партий. В их задачу входило проведение лесоустройства (таксации) заданного района. Полагалось (не знаю, как сейчас) раз в 10 лет обследовать леса и определять лесные запасы: сколько можно получить строевой древесины, дров, какие участки пригодны для рубки, где нужны лесовосстановительные работы (посевы семян), какие участки отводить под сенокосы, пастбища. Таксаторам давали планшеты с аэрофотосъемкой местности. С ними ходили по лесам, определяли густоту насаждения, состав пород, возраст, высоту деревьев. Заносились данные о травяном покрове, почве. Зимой проводили камеральную обработку данных, составляли план работы лесничества на 10 лет.

Надо сказать, что все леса в нашей стране, даже в глухой тайге, поделены на кварталы, между ними прорублены просеки, на перекрестках поставлены столбы с номерами кварталов. У лесников на крыше белой краской выведены цифры своего участка. На самолетах – «кукурузниках» летчики следили за лесом. Если где-то появлялся дымок, во двор лесника сбрасывали вымпел с указанием неблагополучного квартала.

Немного деловой биографии мужа

Много исходил по лесам Кронид за годы своей работы – с 1951 г. по 1989 г. И любил её. Любил лес, его обитателей. Никогда не охотился. Рассказывал, как однажды наткнулся на выводок куропаток. Подержал в руках птенчика, осторожно пустил в траву к беспокойной наседке.

Пришвин в своих «Дневниках» говорит о «поэзии охоты». Не знаю, как можно найти светлое чувство поэзии в убийстве живого существа! Может, я не права, но мне кажется, кроме азарта, чувства победы, любители охоты (имею в виду тех, кто охотится не для пропитания) просто любят природу. Только ходить по лесам, болотам без видимой цели для мужчины – «нонсенс». Просто любоваться цветами, лесом, озером, им, наверно, кажется недостойным звания мужчины. Хожение с ружьем оправдывает их в собственных глазах, не говоря уже о взгляде со стороны. Ну, а уж если ходить с ружьём, нужен и результат.

В этом отношении Крониду было хорошо. Убивать не хотел, а чувствовать себя частицей окружающего: деревьев, травы, живых существ он мог с сознанием выполняемой трудной и нужной работы. Для него деревья были живыми существами, друзьями.

Крониду не нравилось проведение встреч Нового года с ёлкой, сосной – всё равно. Он видел дерево растущим в лесу, представлял, как бы оно росло. Конечно, понимал, – нельзя детей лишать радости, тем более, что покупали уже срубленное деревце, но «ёлки» не любил.

Умелый, добросовестный работник, Кронид через несколько лет стал начальником партии. Партия состояла из 5-7 человек. Начальник руководил работой, сам тоже ходил по лесу. А зимой на основе полученных и обработанных партией данных, составлял планы работ лесничества (лесхоза), успешно защищал их. Каждая такая защита была почти защитой диссертации. Ему советовали на основе нескольких таких планов защитить диссертацию кандидата наук. Но он не хотел. Любил физику, легко решал задачи по физике для матери. Пошёл учиться в лесной институт, а не в ВГУ из-за материальных условий. После войны вернулся из армии в Воронеж. Мать ещё жила в Луцке, помогать не могла, дом занят, а мест в общежитии не было. Кронид решил поступить куда-нибудь, чтобы скорее получить специальность. И пошёл в лесохозяйственный институт, так он тогда назывался.

Когда мы поженились, хотел заочно учиться на физфаке университета. И его приняли. Кое-какие дисциплины зачли. Но дальше дело застопорилось. Во-первых, он не мог бывать на летней сессии из-за своей работы. Кроме того, учёба требует много времени и сил, терпения, чего Крониду не доставало.

Позже решил заняться экономическими проблемами лесоустройства. Его давно звал к себе аспирантом или соискателем, профессор ЛТИ, политэконом Островский. Кронид долго раздумывал, потом стал собирать материал для диссертации. Сдал экзамен по философии. А его профессор умер, другого руководителя не нашлось. Так это и заглохло. Но мне кажется, Кронид не очень огорчился. Диссертацию хотел больше для престижа. Как я уже сказала, он любил свою очень трудную экспедиционную работу. От зари до зари буквально, без выходных, ходить по лесам, болотам, кормить гнус, выпрашивать у местного начальства рабочих для установки квартальных столбов, возобновления просек (прорубке), проводить эти работы...

Работа таксатора не только тяжёлая, но и небезопасная. В Сибири, на Севере, расстояния между сёлами большие, в десятки километров. Есть болоти-

стые места. Конечно, есть и дикие звери, но летом они человека не трогают. За всё время никто не слышал о нападении на лесоустроителя.

Однажды, когда я была с Кронидом и рабочими, устанавливающими квартальный столб, мимо нас пробежал волк, буквально в двух шагах. Лишь глянул на нас искоса. И не боялся. Звери умные, видят, – нет ружья, значит, человек не опасен.

В те годы лесных встреч с людьми тоже не опасались. Во второй половине шестидесятых годов Кронид обследовал леса в Чеченской республике. Все ходили по одному, никто не боялся. У нас хранится снимок хорошенькой девочки лет десяти. На обороте снимка детским почерком карандашная надпись: «Крониду. Зейнап Джантиева, Урус Мартан». Что сейчас с этой девочкой?..

Звери не страшны, не были страшны и люди, опасность в другом. Ходят они поодиночке, а ведь случиться может всякое. Мне рассказал один из таксаторов партии Крониды, что ему в лесу стало плохо – приступ аппендицита. Лежал он на болотных кочках, не мог двигаться. Кронид случайно проходил близко. Увидел его, поднял себе на спину и несколько километров тащил до больницы. Успели во-время. Врачи сказали, что ещё несколько часов и было бы поздно. Это я узнала от самого Юры, Кронид ничего не рассказывал.

Возвращались с полевых работ чаще всего в ноябре, к праздникам. Но, бывало, задерживались и до декабря. По снегу заканчивали сезон. Уставали, конечно, но с приближением весны чувствовалось, что Крониду не терпится снова в леса. И я его понимала – лес, особенно такой чистый, нехоженный, обладает большой притягательной силой. Я бывала с Кронидом в его лесах, знаю их прелесть.

Так меня сейчас притягивает дача. Пусть дом не достроен, и по ночам временами бывает прохладно, да и другие бытовые неудобства дают себя знать. Всё искупают растения – деревья, овощи, цветы. Они тем дороже, что зависят от моего внимания, нуждаются в нём. Особенно в поливе. Видеть, как растёт, созревает урожай – дополнительная радость.

Далеко не всё там ухожено. Но, отчасти мне нравится такая «дикость», особенно тропинка от будки к дому, среди цветущих трав. Они в это время выше пояса. Соловьи, птички поют, подрастающие птенцы не поют, а «скрипят». И летают невидимые. Кажется, вот они рядом, только руку протяни. Но заметить их можно очень редко. А вот воробьи, давние знакомцы, прилетают на крыльцо, требуя крошек: смотрят на меня и чирикают требовательно.

Вернемся к Крониду. Не смог он оставить своей таксации. Когда мы получили государственную квартиру и стали жить отдельно от свекрови, он попробовал не ездить. Два года (1972 г. и 1973 г.) потерпел, потом вновь вернулся к экспедиции.

В последние годы ездил с больной матерью, поэтому близко от Воронежа. Её не на кого было оставить, а бросать полевые работы он не хотел. Это было уже в середине, даже во второй половине восьмидесятых годов. После того, как у нее случился инсульт, и она не могла жить одна. (От нас к матери он ушел раньше, в 1976 году).

Ну, об этом ещё поговорим. Сейчас пора вернуться в первый год замужества, точнее – в первые месяцы.

Поездка к Крониду

Уехал мой молодой муж и жена (я, то-есть), затосковала. Общение со свекровью не давало радости. Хотя в это время она и рассказывала о своей жизни, душевной близости у нас не получилось, очень уж были мы разными.

Экзамены сданы, заканчивалась полевая практика по ботанике, предстояла ещё – по зоологии. И я задумала уехать к Крониду. Тем более, что практику по зоологии мне разрешили пройти там – дать описание живших в тех местах диких животных. Меня ведь воспринимали как сотрудника университета, знали по работе в ботсаду. Относились ко мне очень тепло.

Написала Крониду, получила телеграмму: «Приезжай буду очень рад». Свекровь возражать не стала: «Я так и знала, что ты не удержишься здесь – поезжай!».

Собралась быстро, набрала банок с вареньем, ещё с чем-то. Получились два довольно тяжёлых чемодана. Ехать через Москву, там пересадка. В Москву приехала утром, поезд дальше – вечером. Отправилась гулять по Москве. Удалось попасть в Третьяковку. Я была там в сорок четвертом, когда мы возвращались из армии. Но тогда была выставка современных художников, ценные полотна вывозили.

Долго ходила по залам, многие картины известны по литографиям. Но здесь они выглядели иначе. Особенно запомнились «Грачи прилетели» Саврасова. Я удивилась – мне казалось, это большая картина. Оказалось – маленькая, примерно 30 на 40 см. Но, действительно, в ней чувствуется начало весны.

Теперь радость прилёта грачей может показаться и непонятной: сейчас грачи всю зиму ходят по городу. Но ещё в половине прошлого, XX века, на зиму они улетали. Может, недалеко, но здесь не зимовали. Первые грачи появлялись, примерно, в середине марта, и этим радостным событием: «Вы знаете, я сегодня грача видела!» – делились знакомые. Все знали – грачи прилетели, значит, – весна.

Ощущение первых весенних дней, в подлиннике у Саврасова передавалось сильнее, чем на литографии.

И ещё одна картина незабываема – «Иван Грозный и сын» Репина. Долго смотреть на неё невозможно: так сильно передается отчаяние, недоумение и безнадёжность раскаяния всемогущего царя!

(Интересно, что близкое ощущение испытала много лет спустя совсем от другой картины, – мадонны, Рафаэля. На неё тоже трудно смотреть, как это ни покажется странным. Обе вызывают щемящую сердце жалость).

Сохранилась картина Пластова – «Немец пролетел», она была здесь в сорок четвертом. Теперь называется: «Фашист пролетел». Кроме мальчика убиты корова и теленок, а маленькая собачка, сидящая около пастушка подняла голову и воет. Почему-то и сейчас, когда смотрю на это в альбоме картин Третьяковки, особенно трогает горе собачки. Через неё сильнее чувствуется и боль за

погибшего мальчика, и злость, неприятие бесчеловечности летчика. Злость не только на этого убийцу, но и на всех, кто причастен к гибели безвинных.

Из Москвы отправила Крониду телеграмму с датой выезда, чтобы встретил. Ехать от Москвы до Заводоуковска дня три.

Подъезжаю к станции, выглядываю в окно, – не видно моего мужа. Пошла в лесничество. Меня там приняли хорошо. Но сказали, что Кронид в тайге, за 60 км от лесничества, скоро должен приехать. Телефона там нет, но через кого-то просили передать о моем приезде. Правда, гарантии, что ему сообщили, нет.

Наступал вечер. Мне предложили устроиться в конторе на диване. Света нет, темно. Я легла, задремала. Сквозь сон слышу – в комнату входят несколько человек. Один из них подходит ко мне, протягивает кулёчек: «Это тебе». Темно, «хоть глаз выколи». Его силуэт едва виден. Голос какой-то странный. Я говорю: «Это ты?». – «Я». – «Нет, это не ты». И притаилась, замолчала.

А в это время на него набросились остальные. «Как ты себя ведёшь в чужом месте! Выпиваешь, за юбками гоняешься! Что, глядя на тебя, будут думать о тех, откуда ты приехал, где ты работаешь! Ты всех подводишь и позоришь!». Я сижу, ни жива, ни мертва. Неужели это Кронид? Ведь, по сути, я мало его знаю. Не могу поверить, что это он. Но – всё сходится, он же приезжий!

Вскоре не выдержала, подала голос и перепугала всю группу: «Кто это?». Оказалось, в лесничестве проводили сбор работников бухгалтерии лесхозов, что-то вроде конференции, или курсов. И это один из бухгалтеров. На диване, где я спала, прошлой ночью ночевала женщина, тоже приехавшая с ними. Мужчины ходили ужинать в ресторан на вокзале, а ей принесли, по её просьбе, пряники.

Они перепугались, что устроили «выволочку» коллеге при чужом человеке. Когда всё разъяснилось, меня утешили: «Ваш муж очень хорошо себя показал. Он много и хорошо работает, примерно себя ведёт. Вы можете гордиться своим мужем. Он должен скоро вернуться, но когда это будет – неизвестно. Вы подождите пока здесь».

Только я решила – поеду к нему. В ту сторону утром шла машина. В кабине я проехала километров 30, дальше машина свернула влево.

Просёлочная дорога в глубинку леса среди широкой просеки, видно, что ездят по ней мало. Подхватила я свои два чемодана, пошла вперед. Километра через два-три догнала меня подвода. Подивился возничий, что иду пешком, предложил подвезти.

Поехали километров десять, дальше опять пешком. Вновь подвезла попутная машина, ещё немного пешком. Так, близко к вечеру добралась до селения. Оно небольшое, десятка два добротных деревянных домов в глухом лесу. Огороды за домами спускаются к неширокой, но быстрой речке. Кажется, река Ишим. В домах большие окна, высокие потолки, светлые, чистые полы. Половички, вязанные из тряпочек и старых чулок. Стены, потолки не штукатурены – деревянные, светлые. Всё выглядит совсем не так, как в наших сёлах, лучше и чище. Как терема из сказок.

Показали дом, где жил Кронид. Он еще не приходил из леса. А когда пришел, сказал: «Завтра уезжаю. Телеграмму не получил, но работу здесь закончил, завтра мы поедem в лесничество. Будет оказия – лесовоз».

Утром мы пошли в лес – он хотел показать красивый цветок. Цветок не нашли, но прямо к нам выскочила дикая козочка. Увидела нас, и в несколько прыжков исчезла среди густого подлеска и высокой травы.

Лесовоз увозил брёвна строевого леса в Заводоуковск. Мы разместились на брёвнах. Мне можно было ехать в кабине, но хотела быть вместе с мужем. Ехали мы, разговаривали, хорошо, что Кронид заметил: впереди нависла толстая ветка. Успели распластаться на бревнах, не то – смело бы нас на землю, а, может, и под колеса прицепа.

Несколько дней прожили в Заводоуковске, где Кронид решал свои дела. В Заводоуковском лесничестве питомником древесных культур очень гордился главный лесничий. И было чем гордиться, – много пород деревьев там росло, и всё так любовно ухожено.

Не остался в памяти переезд на Сингуль. Сингуль – большое озеро, не близко от селения, но и не очень далеко – местные жители приезжали ловить рыбу. В озере водилось много карасей. Золотистый карась, правда, маленький – немного больше ладони, очень вкусная рыба. Местные жители ловили их сетью, мы покупали у них вёдрами. Жили в палатке, рядом стоял шалаш товарищей Кронида. Сюда в августе приехала моя подруга – Рита Лебедева. У неё намечалась любовь с таксатором из той же партии – Юрием Терне. Она от нас ездила к нему на несколько дней (фото 13).

Фото 13. На озере Сингуль

Здесь произошла у меня первая размолвка с Кронидом. В селе, в 12 км от озера, Кронид оставил свои деловые бумаги, часть из них следовало отдать таксатору, живущему в шалаше. Кронид попросил меня сходить с этим таксато-

ром, передать ему необходимые бумаги. Пришли мы, а дом закрыт – хозяина нет. Стали ждать. Я забралась на сеновал, уснула. Таксатор остался внизу. Хозяин – старик, вернулся часа через 3-4. Я взяла то, что нужно и мы вернулись к озеру.

А Кронид был уже там, и все допытывался у меня, почему так долго. И почему я не достала над притолокой ключ, и не вошла в дом без хозяина. Словом, приревновал меня к этому таксатору. Я была потрясена: как можно так думать, зная, что его люблю, а таксатора едва знала! Потом уже поняла, что детство Крониды сильно повлияло на его мироощущение, сделав болезненно недоверчивым.

Возвращение на учёбу

Уехали мы с Ритой перед самым началом занятий. Сейчас с некоторым удивлением вспоминаю: за всё время не было ни одного дождливого дня. Погода стояла радостная, солнечная, подстать настроению. И когда мы с Ритой ехали в поезде, тоже светило солнце. Мы сидели у открытой двери вагона на верхних ступеньках, наслаждались быстрой ездой, любуясь мелькавшими перелесками, речушками, и, казалось нам, летели навстречу счастью. В нас, как говорил Грин, «счастье сидело пушистым котёнком». Вернулись к самому началу занятий.

На третьем курсе мы разделились по кафедрам. Рита подавала заявление о приеме на кафедру зоологии позвоночных животных. А я – на кафедру дарвинизма, генетики и селекции (тогда она так называлась). Что привело в недоумение и огорчило Сергея Владимировича. Неприятно это было и Борису Михайловичу – заведующему кафедры ботаники, директору ботанического сада. Конечно, мне бы «по всем статьям» идти к нему, к своим – я ведь работала в саду под их началом. Уговаривал меня Сергей Владимирович идти на кафедру ботаники. Но я сказала, что хочу не описывать растения, а изучать причину, ставить опыты. «Всё это возможно и у Бориса Михайловича. Он выдающийся ученый. У него вы получите значительно больше знаний!».

Я настояла на своём. Отчасти потому, что мне интереснее казалась генетика, селекция. Существовала и другая причина, о которой я не сказала. Мне больше нравились сотрудники кафедры генетики. У ботаников очень милые люди казались мне сухими. Практику по ботанике на втором курсе вела Зинаида Дмитриевна Шахова. Она очень хорошо вела занятия, но безулыбчиво, официально. Да и другие, когда я заходила к ним на кафедру по делам ботсада, держались, как мне тогда казалось, – чопорно. Может, обстановка интеллектуальной элиты создавалась присутствием Бориса Михайловича – аристократа духа, не знаю.

А у генетиков всё было много проще. Как теперь бы сказали – демократичнее. У них не вызывал такого пиетета заведующий – профессор Руцкий Иосиф Адамович. Бывший детдомовец, конечно, не был ни столь интеллигентен, ни столь образован, как Борис Михайлович. Кроме того, многих сотрудников, лаборантов и студентов этой кафедры я знала по работе в ботсаду, они там ставили опыты.

И лишь спустя некоторое время поняла глубинную причину желания видеть меня на кафедре ботаники. Думаю, что не ошибаюсь. Дело в том, что Борис Михайлович и Иосиф Адамович различались не только по образованности и аристократичности. Главное, – по отношению к проблемам биологии. Руцкий – сторонник Лысенко, его теории наследственности, где главное не генотип, а фенотип. Всё зависело от воспитания по теории Лысенко.

Борис Михайлович – ярый противник Трофима Денисовича. Осторожный в своих высказываниях, он всё же послал в журнал статью с возражениями. Происходило это в 1948-49 годах, когда проходила знаменитая сессия ВАСХ-НИИЛ и дискуссия. Это было незаурядным поступком. Возражать Лысенко побаивались, и не без оснований.

Конечно, Борису Михайловичу и Сергею Владимировичу (его стороннику) не хотелось, чтобы их сотрудник уходил от них в «другой лагерь».

К моему счастью, летом, во время моего отсутствия, в университет приехала из Москвы Наталия Ивановна Якушкина заведовать кафедрой физиологии растений. На кафедру стали набирать студентов (на третий курс). И Александр Алексеевич Землянухин, тогда доцент кафедры, моё заявление взял сюда. Так я стала студенткой кафедры физиологии растений, о чем с благодарностью вспоминаю до сих пор. Если бы кафедра набирала студентов в то время, когда подавала заявление, я подала бы заявление туда.

Наталия Ивановна Якушкина

Прежде, чем говорить об учёбе, хочется сказать несколько слов о самой Наталии Ивановне. Это человек необыкновенной доброты, интеллигентности, с которой мне повезло встретиться, и которую я и сейчас считаю своим учителем, человеком, очень близким по мироощущению.

Родилась она в Воронеже 10 октября (по новому стилю) 1917 года. Её отец организовал опытную селекционную станцию сахарной свеклы под Рамонью. Впоследствии станция выросла в Всесоюзный НИИ Сахара и Свеклы и получила имя Мазлумова – ученика Ивана Вячеславовича Якушкина. А он стал профессором СХИ в Воронеже. Его и сейчас тепло, с большим уважением вспоминают в СХИ и в Рамони. Позже Иван Вячеславович – академик ВАСХ-НИИЛ, жил в Москве. Известны его учебники по растениеводству.

Его жена Мария Федоровна не работала, занималась детьми – Натальей Ивановной и Дмитрием Ивановичем, он немного моложе сестры, хозяйством.

Якушкины – потомственные аристократы – прямые наследники декабриста Якушкина и по родству, и по духу. Иван Вячеславович после окончания образования мог остаться в Москве, но поехал работать в глубинку. Мария Федоровна была ему верной, чуткой и непритязательной помощницей. Жили вначале скудно, но она не роптала. Он был, как мне кажется, довольно суровым мужем, но, кроме обожания, домашние к нему ничего не питали. Иван Вячеславович – красивый, мужественный, Мария Федоровна – миниатюрная, хрупкая, женственная, что сохранилось и в преклонном возрасте. Она по-доброму относилась к нам, студентам, опекала нас, рассказывала кое-что из своей жизни.

Однажды рассказывала: «Дети в школе изучали крепостное право. Чтобы им стало понятно, что это такое, я взяла Наташу и сына, пошли мы в сквер СХИ. Сели на лавочку, я прочитала им «Муму» Тургенева. И сразу всё стало понятно, никаких объяснений не потребовалось». Они жили тогда в Воронеже, Иван Вячеславович был профессором в СХИ.

А еще рассказала один эпизод про Наталию Ивановну: «Она была очень серьёзная девочка. Много читала, увлекалась философией. Однажды, когда ей было лет 15, пришел к нам хороший знакомый, кроме неё дома никого не было. «Ладно, я полежу пока на диване, подожду. А ты дай мне почитать. Только что-то полегче, голова болит». И Наташа принесла ему «Анти-Дюринг» Энгельса».

Фото 14. Наталия Ивановна рассказывает сыну К.А. Тимирязева о своих опытах. Москва. 1947 г.

Учёба

Учёба на третьем курсе нравилась. Курс лекций по физиологии растений читала Наталия Ивановна. Читала она интересно, эмоционально, да и материал мне, что называется, «по душе». Это как раз то, к чему я стремилась – знать, как живёт растение, как питается, растёт.

В физиологии важно не только наблюдение, но и опыт, эксперимент, а уже затем – анализ. О том, как ставить опыты в лаборатории, на поле мы узнавали тоже из её спецкурса. Всё это было очень интересно.

Помнится ещё курс физиологии человека и животных. Он шёл во втором семестре. Особенно запомнились практические занятия, когда надо было резать живую лягушку, наблюдать за работой её сердца, рассматривать внутреннее строение. И здесь я воспользовалась своим положением (ждала первенца, он родился 18 апреля 1952 года). Мне Аркадий Иванович Лакомкин разрешил не резать лягушку.

Вообще надо сказать, что эта зима и весна более значительны были для меня не в университете, а дома. Шла «притирка» нас всех троих к жизни в новых условиях. Всем это было непросто.

Первый год семейной жизни

На вокзале нас с Ритой встречал её отец, мои родители и свекровь. Я была такой счастливой! Ожидание радостной встречи с родителями оправдалось. Но тут же, как ножом полоснул, холодный и даже, я бы сказала, неприязненный мимолётный взгляд свекрови. Я её звала «мамой» и была готова любить, но не получилось.

Ещё до моего отъезда свекровь сказала, что хочет завести щенка – овчарку. «Теперь есть кому за ней ухаживать. Буду приходить домой, и меня будет встречать любящее существо». Я обрадовалась, – собак люблю. Когда я приехала, щенок уже подрос. Свекровь в нём души не чаяла. Герка была её главная, точнее – единственная забота, предмет обожания. Когда приходила домой, прежде чем сказать «здравствуйте», обнимала Герку.

Герка стала избалованной собакой, могла забираться в тарелку свекрови, когда она ела. По ночам свекровь выпускала собаку гулять, и тщетно звала: пока не набегается, не придёт. Это могло длиться и полчаса, и больше. А когда Герка прибежала, ждала «выволочка» ей, а заодно и нам: спать, когда долго слышится громкое – «Домой! Гера, домой!». А потом также громко увещевание, угрозы и, бывало, ремень.

Хуже стало зимой. Полугодовалая овчарка оставалась одна дома практически на весь день. И вытворяла со скуки, бог знает что! Я приходила домой раньше всех. Меня встречала радость собаки и полнейший хаос в квартире, начиная с испачканного пола. Совком собирала её вещественные следы, раскиданные вещи, погрызенную обувь, затапливала печь. Потом мыла пол, посуду. Утром все убежали по делам, посуда оставалась от завтрака грязной.

Когда приходили Кронид и свекровь, в доме уже тепло, чисто, ждал обед. И не оставалось никаких следов Геркиных проказ (если не считать погрызенную обувь). Иногда меня брало отчаяние, – до каких же пор все это терпеть! Жалею, что не оставила хоть раз квартиру в том виде, какой встречал меня.

Отношения со свекровью не сложились. Не лежала у нас душа друг к другу. Хотя внешне это не проявлялось. Мне было её даже жаль, – вырастила сына, а он привел к ней в дом не такую невестку, какую бы хотела она.

Во мне ей всё не нравилось: цвет волос, длинный нос, худощавая фигура... И всё это высказывалось Крониду при мне: «Да, волосы подкачали, смотри какой цвет – ни русский, ни светлый. Нос длинноват, но это ничего». Я тут же рядом стою. «Худенькая очень. Но это с годами, может, и пройдет...». Сама свекровь кругленькая, талия не проглядывалась, вся, как пышечка.

Я думаю, задевала её и моя самостоятельность. Вообще характер у меня покладистый, но, уступая в мелочах, в чём-то, для меня главным, чаще всего остаюсь сама собой. Как теперь говорю: я – женщина с покладистым характером, и строптивым нравом. И это, наверное, заметно, даже если и не высказывать. Только и это она могла бы простить, если бы я была, пусть не очень богатая, но

всё же состоятельная особа. А была-то – нищета! Правда, я своей ущербности в этом не видела. Для меня всегда были главными в людях человеческие качества. Так понимала и отношение к себе. К тому же тогда, вскоре после войны, большинство жили бедно. Как и сам Кронид со свекровью.

Я понимала, что не сбылись её надежды. Хотя бы на то, что Кронид после учебы будет отдавать деньги ей. А оказалось – деньги нужны для своей семьи. И в этом отчасти чувствовала свою вину: ведь это я к ним в дом пришла, в её дом. Старалась относиться к ней хорошо, но всё же видимо, чувствовалась натаянность. Разные у нас были взгляды, отношение к жизни, это ведь не скроешь.

Наверное, всегда хочется хоть часть своей вины переложить на кого-то другого. Так мне иной раз думалось, что если бы Кронид с матерью был дружен, не говорил о своем неприязненном к ней отношении, мне было бы легче найти в ней хорошие стороны. Я чувствовала к тому же, что он её боялся. Боялся слёз. И часто трудные вопросы, требовавшие её решения, перекладывал на меня. «Поговори с матерью» – писал он мне.

Мы не ссорились. И за все время у нас с ней «громкий разговор» состоялся два или три раза. Но всегда было трудно приходиться в дом, где встречали мрачные взгляды.

(Забегая вперед, скажу, что если бы нам не дали квартиру в 1972 году, я бы не выдержала. Была уже на грани нервного срыва. Выдержать столько лет помогло общение с Полиной Андреевной и ее кругом, здесь была близкая мне духовная жизнь).

Тяжёлая обстановка царила в моем доме. Вот один из примеров. По утрам я готовила завтрак для всех – жарила картошку, готовила что-либо ещё. Подавала всем в тарелках на стол в комнате. Тут же собирала завтрак на работу Крониду.

Однажды я не успевала, и когда свекровь села за стол, сказала: «Мама, там, на сковородке завтрак, возьмите, пожалуйста. Я не успеваю приготовить Крониду завтрак на работу. И опаздываю в университет».

Она приняла это как ужасную обиду, заплакала. Так, со слезами, взяла себе еду и завтракала со слезами. Кронид расстроенный, ушел на работу. Я, естественно, тоже.

Вскоре после этого случая, она стала приходиться с работы грустная. Когда Кронид спрашивал, почему, начинала плакать. «О чём ты плачешь, мама, что случилось? Как ты себя чувствуешь?». «Всё хорошо, всё хорошо»... А сама заливается слезами. Однажды он повернулся и ушел. Как только дверь за ним закрылась, слёзы прекратились. Он приходит часа через два-три в изрядном подпитии. И так не раз, и не два. Я беспокоюсь, поднимаюсь на нашу гору, жду его там.

«Крониданька, как ты? У тебя все в порядке? Я беспокоюсь, тут, говорят, пошаливают». «Ах, ты, защитница моя дорогая! Мощная защита! У меня всё хорошо, идём домой». Очень я за него беспокоилась и понимала как ему трудно между «двух огней». Ему и меня жалко, и мать. Но и мне было нелегко.

А тут ещё она решила оставаться ночевать в школе. «Зачем тебе там ночевать! У тебя, что, дома нет?». «Мне так удобнее, я поздно кончаю занятия, ехать далеко, завтра утром рано вставать». А сама плачет очень горько.

Так длилось больше месяца, когда раза два в неделю она оставалась ночевать в школе. Один раз сказала: «Я останусь в школе, не волнуйтесь. Приду в понедельник». – «Подожди, ведь сегодня суббота. Что же тебе там делать в воскресенье!». – «Ничего, мне там будет хорошо». И снова слёзы в три ручья. И снова Кронид ушел расстроенный. Вечером вернулся после изрядной выпивки, увидел мать дома, обрадовался.

А дело было так. Когда Кронид ушел, я решила вмешаться. «Вы же видите, что Кронид стал пить. Ему плохо». – «И мне тоже плохо!». «Ну, что же, – говорю. – Я поняла, что мешаю. Значит так. Если вы останетесь ночевать в школе, я уйду к своим родителям. Жили вы без меня хорошо, живите опять хорошо вдвоем. Я мешать вам не буду. Если сегодня вы не придете ночевать, завтра же я уйду».

Сказала так спокойно, хотя во мне всё тряслось. Я ждала первенца, уже шесть или семь месяцев. Но для себя твёрдо решила сделать так, как сказала. С тех пор она всегда ночевала дома. Но слёзы в присутствии Крониды (только при нём!) продолжались ещё долго. Правда, лишь в первую зиму.

Жду ребёнка

Так шли день за днём, приближалось время, когда я должна была стать матерью. И это очень помогало переносить все отрицательные эмоции дома. Я очень радовалась будущему малышу, радовалась его присутствию во мне. Особенно, когда он начал шевелиться. Материнство, даже ожидание ребёнка, – огромная, ни с чем не сравнимая, радость.

Всё-таки, какое счастье быть женщиной! Женщине доступны практически все радости, как и мужчине, но мужчина никогда не сможет испытать этого счастья – ожидания, рождения, кормления грудью... Конечно, роды – болезненная вещь, но всё искупается появлением малыша.

Да, материнство – огромное, ни с чем не сравнимое счастье. Но это и – гнёт. Когда всё хорошо – беспокоишься, как бы чего не случилось. Естественно, не так, как умная Эльза из сказки. Но страх за будущее детей всегда есть.

А если с кем-то из них неблагополучно, съедает чувство вины: не уберегла. И эта вина, это сожаление, даже отчаяние, сидит в тебе всегда. Чем дальше, тем сильнее. В ночной тишине «прокручиваешь», вспоминаешь прошедшее, терзаешься тем, что делала не так. По ночам хочется иногда, если не выть, то – подвывать.

Только когда ждёшь малыша, об этом не думаешь. Верится в его счастливое будущее. Особенно, когда ждёшь в первый раз. Ожидала я терпеливо и радостно. Плохо было только, что очень чувствовала свою материальную зависимость. Кормились мы скудно. На овчарку полагался «паёк» – мясные отходы. Кронид с матерью их ели. А я не могла, с трудом переносила запах. И питалась неважно.

Правда, свекровь, когда уходила на рынок, спрашивала, что мне купить. Но говорилось это уже перед дверью, насупившись и наклонивши голову. А перед этим шли разговоры о том, что денег мало. (В первый год мы питались вместе). Конечно, я отвечала, что ничего не надо, или просила квашеной капусты. Вареную картошку с квашеной капустой и подсолнечным маслом я любила всегда, и сейчас люблю. Но тогда уже видеть не могла.

И однажды, когда у меня были мои университетские подруги – Рита Лебедева, Настя Склярова (позже она стала Нартовой) и зашел разговор о питании, я не сдержалась, заплакала. Кронид слышал наш разговор. «Что ты хочешь? Что тебе принести?». Он испугался моей реакции.

А надо сказать, свекровь однажды при нем рассказывала, как она капризничала, ожидая Кронида. «Захотелось мне сыра, и пошел мой муж доставать сыр. По тем временам, это было непросто. Наконец, достал. Радостный, протягивает сыр, а мне стало плохо от одного вида. Говорю: «Убери! Убери сейчас же! Мне нехорошо от запаха». Он обиделся, но что же я могла поделать! И так было не один раз. Захочется чего-нибудь, муж достанет, а я уже не просто не хочу – видеть не могу!».

Кронид решил, что она привередничала, и если у меня начнутся подобные капризы, он потакать им не станет. Но когда я расплакалась, тут же пошёл и принес простокваши и лимон: «Я думал, что никогда не стану исполнять твоих капризов, но не смог удержаться!».

Я сразу же съела без сахара половину лимона. Уже потом поняла: зря терпела, надо-то это было не мне – ребёнку. Может, потому у Пети с самого рождения был сильный диатез, а когда подрос – аллергия на многие продукты, иногда и на яблоки.

Рождение сына

Занятия я не пропускала. Кончились лекции, все сдавали зачеты, и я с ними. Последний зачет сдала 17 апреля, а вечером отвёз меня Кронид в родильный дом под Петровским спуском.

Прошла ночь, наступило утро, боли резко усилились. Спрашиваю у акушерки, скоро ли. Она отвечает: «Подожди, ещё кричать будешь!». А я уже едва терплю. Только стараюсь дышать глубже, как говорила мне врач, чтобы было легче ребёнку. Потом всё-таки она подошла ко мне, посмотрела: «На каталку! Пора».

В палате, где рожают, нас оказалось в одно время четверо. Главным – молодой врач Казаков (будущий светила гинекологии в Воронеже). Сначала я стеснялась мужчины. Но потом вижу: другие роженицы кричат, около них все собрались, а около меня никого нет. Тогда я стала кричать – звать, уже и мужчины не страшно. Встала около меня акушерка – полная женщина средних лет. Вскоре я родила – в 9 час 35 мин утра 18 апреля 1952 года.

Мне говорят: «У вас сын. Мальчик». Большого мгновения счастья я никогда раньше не испытывала. Позже это было при рождении и Наташи, и Серёжи, но тогда – впервые. Роды прошли не совсем благополучно – зашивали разрывы, но на это уже внимания не обращала – я родила и у меня сын!

О том, как его назвать вопроса не существовало. Ещё во время ожидания, кто-то из гостей спросил, как мы назовем малыша. Свекровь спокойно заявила: «Если родится мальчик, я назову его Петром». Моего мнения не спрашивали. Я понимала, – Крониду хотелось, чтобы сын носил имя отца, потому не стала возражать. Хотя это было бы и бесполезно.

Фото 15. Пете половина года

Кроватку поставили рядом с нашей кроватью. (Бывшая кровать свекрови стала нашей. Она теперь спала на диванчике Кронида, в противоположной стороне комнаты. Кстати, теперь я сплю на этом диванчике и не хочу менять).

Петя до года был очень беспокойный (фото 15), много раз просыпался, плакал. Вставала к нему только я. Да я никому и не позволила бы к нему вставать. Петя родился слабеньким, его вес при рождении 2 кг 750 г. И мою тугую грудь очень долго не отпускал – кормление длилось минут по тридцать.

Вскоре у меня началась грудница. Ночью поднялась высокая температура. Вызвали скорую помощь. А у нас постельное белье «не первой свежести». Смены белья мы не имели. Перед этим я лежала в роддоме с неделю, да и после прошло несколько дней. Хотя и высокая была температура, но со стыда хотелось сгореть. Ужасно стыдно! Но что поделать, так мы были бедны в то время. Кронид сдаивал молоко почти всю ночь, и к утру грудница прошла.

После рождения сына обо мне стали заботиться: усиленно кормить. Это потому, что перед самым рождением Пети у меня обнаружили неполадки в легких. Не туберкулез, но могло перейти в это заболевание.

Я рассказывала, что в детстве болела плевритом, после чего остались «кальцинаты». У врача появилось опасение, что кальцинаты могут рассосаться и возникнет опасность лёгочной болезни. Тут Кронид с матерью забеспокоились. Стали покупать мне яйца, чуть ли не по десятку в день. И поить парным молоком. Наш сосед – Николай Яковлевич имел в то время корову. (По лугу ходили даже два стада коров горожан). После утренней дойки соседи стучали к нам в окошко, передавали для меня поллитровую банку теплого пенящегося молока, которое сразу же выпивала. После этого я поправилась, и о возможности заболевания речи уже не могло быть.

Снова про учёбу

Как и положено, Кронид в мае уехал на полевые, я осталась с сыном и экзаменами. Все их сдала на отлично и к осени стала получать повышенную стипендию.

Все экзамены сдавала, как положено, без «льготы» и только по физиологии растений – сидя на лавочке. Благодаря Эммочке Рудаковой. К этому экза-

мену я ещё не подготовилась, даже ещё не дочитала учебника до конца. Но на днях истекал срок продления мне сессии. И когда мы с Эммой шли по проспекту Революции и говорили об этом, нам повстречался Александр Алексеевич. Он замещал Наталию Ивановну во время летнего отпуска. Эмма и говорит: «Пошли, пусть он поставит тебе оценку!».

Подходим к нему, Эммочка говорит: «Александр Алексеевич, примите экзамен, спросите Галю. Поставьте ей отлично – у неё все пятерки!» Он тоже смеется: «Ну, давайте сядем вот здесь на скамеечку. Что спрашивать-то?». Какой-то вопрос, мне известный, он задал. Я только стала отвечать, он прервал: «Ладно. Впереди ещё два года спецкурсов. Так, если что и недоучено, – освоит за это время. Давай зачетку».

У Пети няня

Начиналась учеба, и встал вопрос – брать мне академический отпуск по уходу за ребенком, отдавать его в ясли, или брать няню. С этого года мы уже питались отдельно от свекрови. И хотя это было трудно, я радовалась – плохо быть зависимой. Оклад свекрови более тысячи, Кронид получал 750 рублей, моя стипендия кажется, четыреста.

Несмотря на это, Кронид решил – надо брать няню. Приехала из деревни бодрая еще старушка Анна Назаровна. Мы платили ей 150 рублей в месяц. Жила она на кухне, питалась, конечно, с нами. Домашних забот у неё не было, только Петя. Но Петю она любила. Как она говорила: «Я его на воздушных подушках ношу». Кормила отменно, но только манной кашей – иного не признавала.

Жила у нас год, потом её вызвали в деревню родные. Хорошая была женщина, добрая, умная. В домашние отношения не вникала, во всяком случае недобрых советов не давала.

Фото 16. Я с Кронидом и Петей. 1953 г.

В три года Петя пошел в детский сад. Рядом с нами – на горке. В первый раз я его оставила и ушла, не сказав. Пришла часа через два. А он увидел меня и отвернулся лицом к стенке, заплакал, – обиделся, что оставила, и ему не сказала. Но потом быстро привык и ходил в сад с удовольствием.

Вторая поездка к Крониду

Только надо по порядку. В лето Петиного рождения я, естественно, не уезжала. К весне следующего, 1953 года, стала чувствовать себя неважно. Очень похудела – от 56 до 46 кг. И мои родители отправили меня на поправку к Крониду, а Петю взяли себе. Маме и папе я могла доверить сына, поехала со спокойной душой.

Кронид снова работал в лесничестве Заводоуковска, так что встретили меня знакомые. Глава лесничества посетовал, что я так изменилась за короткий срок. Вновь побывала на лесном питомнике, в карликовом яблоне-вом саду. С неделю мы жили на квартире у русской немки Маргариты Генриховны, седой, но бодрой старушки. Сохранились наши фотографии у карликовых яблонь (фото 17).

Фото 17. С Маргаритой Генриховной

В этот приезд я, как и в прошлый раз, иногда ходила с Кронидом на таксацию. Ещё в первый свой приезд узнала, что такое «полнота насаждения», определяла на глаз высоту деревьев. Это очень интересно, в лесу красиво и хорошо. Только я не могла ходить так быстро и долго, как Кронид, и потому «таксировала» редко. У него-то норма – рабочий день.

Собственно, надо говорить не о ежедневной норме. Партии давали задание на весь сезон. Соответственно все таксаторы имели свои задания. Домой партия возвращалась после выполнения всех работ. Конечно, все спешили закончить пораньше, чтобы до снега вернуться домой.

Неожиданная встреча

Сейчас не помню, в первый свой приезд, или во второй, я отправилась в лес одна на разведку. Кронид примерно указал место, где много черники. Лес – в километре от села. Около него – небольшое озерцо, а на лугу много полевой клубники. Ароматная, крупная клубника соблазняла, но я решила искать чернику.

Смешанный, густо поросший высоким кустарником лес длился уже с километр, может больше, но никакого намёка на черничник я не встретила. Этот лес неожиданно обрывался. Дальше стояли сосны. Редкие стволы позволяли далеко видеть, но это и не требовалось. Рядом шла просека с узкой просёлочной дорогой, и по ней, совсем рядом – метрах в тридцати – ленивой трусцой двигался ко мне волк.

Хорошо виднелся его раскрытый от жары рот, высунутый на бок язык. Вот он остановился, сел и стал чесать у себя за ухом, совсем как собака. Невидимая для него в высоких кустах, я замерла. И не знала, что делать: дальше идти в поисках черники или вернуться. Волки летом человека не трогают, это я знала, но всё же нахально к нему приближаться, как-то не хотелось. И тихо повернула назад.

Мне казалось, что я не испугалась, спокойно вышла на окраину леса, подошла к озерцу. И только здесь почувствовала слабость в ногах, особенно в коленях. Как тогда, в сорок третьем, когда немецкий самолет посыпал пулеметными пулями в нашу толпу женщин, и, к счастью, промахнулся. Пришлось посидеть немного около воды, помыть лицо, руки, и только тогда идти домой. Больше за черникой я не ходила.

Роща декабристов

Когда возвращалась домой, Кронид проводил до Ялуторовска. Мы сходили на реку – широкую, рядом большой железнодорожный мост. Купались, загорали, лежали на песке.

Оставила впечатление берёзовая роща с высокими, старыми берёзами. Её называют «Роща декабристов»: заложена ссыльными декабристами. Говорят, сажали березы аллеями, они шли от центра в разные стороны. Сейчас аллеи уже не видны, заросли. За сто с лишним лет берёзы стали расти как им нравится. Остался на память снимок: огромные, старые берёзы и «муравей» – это я (фото 18).

Побывали на кладбище. Памятники – плиты сохранились. Фамилии я не записала, и, конечно, забыла. А жаль. Но известных фамилий не заметила. Всё на кладбище заросло высокой травой «забвения».

Фото 18. В роще декабристов

Возвращение домой

За эти месяц-полтора, проведенные у Кронида, я несколько не поправилась: частые переезды, неправильное и не богатое питание. А, главное – ощущение какой-то отдалённости от Кронида. Наверное, сказалось моё болезненное состояние. Но всё ушло, когда на вокзале встречали родители и, главное, – Петя. Он сразу узнал, обнял, прижался ко мне и ни к кому не хотел уходить с моих рук. Даже к дедушке, которого очень любил. И когда тот звал Петю к себе, только отрицательно качал головой и крепче прижимался. Мама говорила, что очень скучал. Возится, бывало, с игрушками и вдруг застынет: «Мама...».

Я сказала себе, что больше никогда разлучаться с ним не буду. И на следующий год, после окончания университета, поехала к Крониду вместе с Петей.

Наш университет

Университет располагался тогда в двух корпусах: на проспекте Революции и на улице Мира (там химики проводили с нами практические занятия), частично занимал первое общежитие.

Главное здание на проспекте Революции – довоенное, из красного кирпича и по сей день называют «красным корпусом».

На четырех этажах размещались биолого–почвенный, геологический, физико–математический, на улице Мира – химический факультет. А в общежитии – историко-филологический и географический факультеты.

Все преподаватели (около 200 человек) собирались на общее собрание в девяностой аудитории на четвертом этаже. Там же проходили и партийные собрания университета. Студентов на дневных отделениях примерно две тысячи, вечерних и заочных отделений еще не было. По крайней мере, у нас на факультете.

В 1953 году ректором стал профессор Михантьев Борис Иванович, доктор химических наук. Его перевели к нам из ЛТИ, где он какое-то время (помнится, недолгое) заведовал кафедрой химии. В ВГУ позже открыл для себя кафедру химии высокомолекулярных соединений.

Родом из под Оренбурга, как и его жена, учительствовал в сельской школе. В 1938 году уехал, окончил институт. Воевал. Кстати, и в Воронеже, на Чижовском плацдарме. Я много лет спустя спросила, когда он выбирал место жительства после войны, имело ли значение его участие в сражениях за Воронеж. Ответил утвердительно: «И это тоже».

Родился он 27 июля 1907 года. Ректором ВГУ работал с 1953 по 1965 год. За эти годы университет построил два корпуса – на Пушкинской улице и на Университетской площади. Факультетов стало уже не шесть, а одиннадцать. Количество преподавателей увеличилось почти в 10 раз, как и студентов. Появились вечерние и заочные отделения на многих факультетах. Это всё сухие цифры. Об этом человеке, ректорство которого ветераны вспоминают до сих пор, как непревзойдённое, расскажу позже. Он оказал влияние и не мою судьбу. Но, опять-таки, об этом позже. Начнётся это почти через десять лет.

Окончание учебы

Дипломная работа моя посвящалась изучению действия на укоренение зеленых черенков вишни – гетероауксина – тогда еще единственно известного гормона растений (фитогормона).

Я обрабатывала раствором фитогормона зелёные черенки вишни Аморель, и наблюдала за укоренением черенков, их дыханием и некоторыми особенностями обмена веществ. Работала летом, часть материала фиксировалось, он обрабатывался зимой. Я определяла содержание различных химических соединений, показывающих состояние растений: фракции фосфорных и азотистых веществ. Известно, что при укоренении черенков из верхней части черенка питательные вещества перемещаются в нижнюю часть. Здесь они используются растением на образование новых корней, на укоренение. Мы установили, что под влиянием гетероауксина перераспределение веществ, их движение в низ черенка, происходит скорее и потому черенки, обработанные гетероауксином, укореняются лучше.

К весне дипломную работу закончила. Перед этим из-за рождения Пети, курсовая обошлась без экспериментов – только по литературе. Тема: «Теория стадийного развития Т.Д. Лысенко применительно к древесным породам». С моей точки зрения за теорию стадийного развития Лысенко ругают зря. Действительно, разные растения, а древесные породы даже ежегодно, в определенных периоды своей жизни требовательны к условиям среды.

Интересно, что на следующий год после моей курсовой, профессор С.И. Машкин читал спецкурс прямо по этой теме. И практически по всем тем работам, которые использовала я. Но на экзамене мне отвечать почему-то было неинтересно, скучно. Кажется, получила «четверку», хотя могла бы всё пересказать. Не хотелось говорить, что этот материал знаю не хуже, чем он нам давал.

Вернусь к дипломной. Защита прошла очень хорошо, на вопросы я отвечала, т.ч. «отлично» поставили единогласно. Кронид дождался этого дня, и оценке, кажется, больше радовался, чем я. Также он радовался и пятерке по курсовой. А я считала это естественным, – ведь была старше своих сокурсников. За плечами не только армия, но и работа в ботсаду. Заканчивала университет уже двадцатисемилетней (фото 19).

Фото 19. С Кронидом в день защиты диплома. 1954 г.

Время учебы – счастливое время. Добрые отношения товарищей по учебе, преподавателей, причем не только ко мне. Как, говорят, «аура» общая была чудесна. И учиться было интересно. Правда, не все лекции мы слушали внимательно. Лекции некоторых профессоров, насыщенные по содержанию, по форме могли быть скучноваты, монотонны. Но сами эти люди вызывали интерес и симпатию. Чувствовалась в них незаурядная личность, глубокие знания.

Константин Васильевич Скуфьин (зоология беспозвоночных животных), Иван Николаевич Журавлев (ученик Павлова, физиология человека), Илья Ильич Барабаш-Никифоров (зоология позвоночных животных). Каждый из этих профессоров в своем роде был неповторим (фото 20). Но к Константину Васильевичу у меня сохранилось особое отношение.

Фото 20. Профессора биолого-почвенного факультета. Слева направо: Б.М. Козо-Полянский, К.В. Скуфьин,, Н.И. Якушкина, И.И. Барабаш-Никифоров

Вступаю в партию

Весной, или летом (не помню) 1947 года меня, студентку техникума, приняли кандидатом в члены КПСС. Полагалось только через год – после испытательного срока, становиться членом партии. И надо было получить рекомендации от тех, кто знал меня по совместной работе (или учёбе) не менее года. Полагались для комсомольцев – одна рекомендация от комсомольской организации, две – от членов партии.

В конце лета того же, сорок седьмого года, я закончила учебу и уехала к родителям в Брянскую область. Не прошло года, как вернулась в Воронеж

В столовой тоже не проработала года. Да и вряд ли в то время следовало думать о партии. Потом работа у С.И. Батраченко, тоже несколько месяцев. И достаточный мой стаж для рекомендателей, стал только с 1950 года. Но я считала, что рано мне хлопотать. И обратилась за рекомендациями лишь в 1951 году. Комсомол дал рекомендацию очень легко, легко получила и вторую, а вот с третьей – затормозилось. Дело в том, что я собиралась выходить замуж, а мой будущий муж в годы войны находился в оккупации. По тем временам – большой изъян.

Удивительно, но совсем не помню, кто дал вторую рекомендацию, сразу же, без разговоров. А там, где случились осложнения – запомнилось хорошо. Наверное, всегда трудное легче помнится.

Меня хорошо знала по профсоюзной работе (я была профоргом в ботсаду, потом в университете, на факультете), бывшая в то время председателем месткома, директор библиотеки ВГУ – Софья Панфиловна Оникиенко. Она хорошо ко мне относилась. Но когда я попросила у нее рекомендацию, и сказала о своем будущем муже, посоветовала пока не регистрировать брак и не указывать мужа в биографии. «Поживите пока так. Подождите с регистрацией. Не надо будет и рассказывать о муже».

Полная, грузная, уже немолодая, но активная женщина, с короткой стрижкой прямых черных волос, Софья Панфиловна много сделала для библиотеки, её сохранения и развития. После освобождения Воронежа ездила в другие города, где оседали книги из библиотеки университета, вывезенные немцами. Она собрала активных работников, влюблённых в свое дело. Ещё и сейчас в библиотеке поддерживается тот дух творчества и болезни за работу. Многое здесь зависит от преемника, хотя и более позднего – Светланы Владимировны Янц.

Наверное, опыт работы, житейский опыт подсказал Софье Панфиловне дать мне такой совет. И хотя прямо она не отказала, больше я к ней не подошла. И, конечно, выполнить её совет мне совсем не хотелось. Не скажу, что уж очень правдива, бывает, что уклоняюсь, всей правды не говорю. Только в принципиальных, важных вопросах, не хочу унижаться, не могу чувствовать себя в «двойном стандарте» (выражение не точное, но лучше сейчас не подберу). (Кстати, после моего замужества соответствующие органы проверяли поведение Кронида во время оккупации, и не нашли ничего предосудительного).

Таким же принципиальным для меня было и в 1976 году предложение Кронидом фиктивного развода, чтобы, как он сказал, сохранить квартиру матери, прописаться ему у неё. «Фиктивного не будет», – сказала я. Кажется, он не поверил, – уж очень я была уступчива.

Вернусь в то время. Я обратилась с просьбой о рекомендации к Скуфьину. Рассказала о себе всё, без утайки. И он без разговоров рекомендацию дал. Так в декабре 1952 года я стала членом КПСС. Остаюсь в партии и сейчас (январь 2012 года). Считаю себя человеком, который «служит делу, а не лицам».

Конечно, всегда это есть, но за последние десятилетия – до «перестройки», в партии стало очень много лиц, отнюдь не с коммунистическими убеждениями, и у тех, кто учился в Англии, США – как раз наоборот. А партбилеты они имели и свои идеи проводили в жизнь. Когда несколько лет назад у бывшего тогда министром Бориса Фёдорова спросили: «Как же так вы говорите, вы же были коммунистом, членом политбюро». Он ответил: «Коммунистом я не был, у меня только был партбилет».

И не только убеждения, были и прямые действия, направленные на развал партии, на неприязнь к ней простых людей. Главный «перестройщик» – Александр Николаевич Яковлев – главный идеолог КПСС в политбюро. Он и не скрывает, что, занимая такую должность, вёл к разрушению партии. Удивительное наше время – откровенных предателей восхваляют. Жуликов превозносят, и всё продают, продают, продают...

Развитие общества повторяет развитие, эволюцию организмов: от простого к сложному. Смена формаций, производительных сил и производственных отношений закономерна. То, что было у нас в течение 70 лет – прорыв в более организованные, на более высоком уровне, – отношения. Это отнюдь не тупик. Будущее за тем лучшим, что было у нас – плановая экономика, государственная собственность, крупные предприятия, в том числе, на селе. Развитие высоких технологий требует соответствия производственных отношений, грамотных специалистов.

Другое дело, что не всё делалось, как надо. Планирование стало доходить до абсурда и во многом превратилось в цифры «с потолка». Главное: не стало должной ответственности за дело. Появились люди, желавшие стать капиталистами (наверное, они всегда были, но условия, законы не позволяли). Ни одна смена формаций никогда, как показывает история, не проходила без борьбы, безболезненно и быстро. Но – будущее – за государственной собственностью на средства производства, развитие фундаментальной науки, современные высокоразвитые производства.

Опять я ушла в сторону – «у кого что болит, тот о том и говорит». Возвращаясь к рекомендациям, хочу подчеркнуть, что Константин Васильевич не побоялся неприятностей. Конечно, они не могли быть большими, но не исключались.

В 1999 году летом его не стало. Каждый праздник я ему звонила, поздравляла, а в этот год на 9 мая не смогла дозвониться – никто трубку не брал. Он болел, плохо слышал, ему было уже более 90 лет. Жена тоже плохо слышит. Когда я была на похоронах, она сказала, что 9 мая он ждал моего звонка, спрашивал, звонила ли я. Надо было мне всё-таки дозвониться! Забываем, что следующего раза может и не быть.

Я – биолог

В то время мы защищали дипломные работы и сдавали экзамены по биологии. Не помню, были или нет, экзамены по истории партии. Экзамен по биологии я тоже сдала на отлично. И получила диплом: биолог-физиолог растений. Я стала ещё ближе к цели детства. Но она была ещё очень далеко. Много пройдёт времени, много сменю специальностей в трудовой деятельности...

Кронид уехал на другой день после моей защиты диплома. В тот вечер после защиты мы вместе с ним собирались у Риты Лебедевой в узком кругу подруг – Иры Сиговой, Шурочки Никитиной, Тони, Насти Склярской. Снимки напоминают о том вечере. Рита любила фотографировать, много осталось снимков тех лет.

Распределение собственно меня не касалось – замужней предоставлялся свободный диплом. А у Крониды была договоренность, что меня возьмут на работу в экспедицию ботаником, и я буду с ним ездить. Но получилось так, что на распределение, где я должна была расписаться за свободный диплом, пришел директор Областной станции юннатов – Мощицкий. И предложил мне место

кружководо-цветовода с обещанием дать возможность проводить опыты и работать над диссертацией. Оклад небольшой, но соблазняла возможность исследований. Под руководством Наталии Ивановны, конечно. Я дала согласие, с условием приступить к работе в сентябре. А до этого времени собиралась побывать у Кронида. Кронид работу на станции одобрил. Он говорил, что мне надо идти «в науку». «В науке ты сильна, сильнее Наталии Ивановны. Вот в жизни ты – эталон...» Он не договаривал чего эталон, но было ясно и так. Не знаю только, как он мог судить, насколько сильна в науке Наталия Ивановна?.. Мы несравнимы.

Фото 21. Первый выпуск физиологов растений у Наталии Ивановны. Слева направо: стоят Галя Эрдели, Галя Поздняк, Лиана Кривец, Эммочка Рудакова. Сидят: Нина Денисова, Сусанна Поройская, Тамара Наливкина, Наталия Ивановна Якушкина

Запомнился наш выпускной вечер – бал. Мама подарила отрез крепдешина на платье – по серо-голубому полю редкие крупные тюльпаны. Мы сшили платье с рукавом кимоно. Это было первое в моей жизни крепдешиновое платье (и почти единственное).

Вечер проходил в здании ЮВЖД. На одном этаже в большом зале – стол красиво сервированный, у каждого на тарелке роза. А этажом выше в таком же зале – танцы. Выпускники и преподаватели, биологи и почвоведы вместе. Пришел к нам и новый ректор Б.И. Михантьев. Когда все уже изрядно подвыпили, помню, я со стаканом в руке, где вино сильно разбавлено водой, подошла к Борису Ивановичу и говорила, какой замечательный преподаватель Наталия Ивановна. Помню, я еще подумала, что мой полный стакан наведёт его на мысль,

что я пьяненькая. Но он внимательно и серьёзно слушал. Хотя, наверное, в душе посмеивался.

Расходились по домам часа в три ночи. Тёплая ночь первых дней июля, прекрасное настроение. Шла я по проспекту к родителям. Тогда на улицах стояли скамеечки – вечерами молодежь, и не очень молодежь, гуляли и сиделись отдыхать. Шла по безлюдному проспекту. А на одной лавочке сидел, видимо, заочник, со стопкой тетрадей в руках. Увидел меня и подошел, заговорил, – решил «приударить», пошел рядом.

И я, что мне совсем не характерно, стала отвечать, причем в шутливой форме. Но когда он сделал попытку взять меня под руку, уклонилась. Тут уже стала опасаться. Подошли мы к улице К. Маркса, я свернула направо. Проспект хорошо освещался, здесь фонарей меньше, что, видимо, прибавило ему смелости. И когда спросил, далеко ли я живу, ответила, что ещё очень далеко. А мы уже свернули на Никитинскую улицу, осталось меньше квартала. Там, за углом, первое парадное – наше.

Идем мы посреди дороги, осталось совсем немного, он заговорил о любви. Я поворачиваюсь к нему: «Объяснения в любви принимаю только на коленях!». Он и опустился на колени, посреди улицы. А тут как раз из-за угла Средне-Московской поворачивает грузовая машина и фарами нас ярко освещает. Я воспользовалась, бегом домой побежала. Только ему уже не до меня – тетрадки рассыпались, машина едет прямо на него...

Быстро юркнула в подъезд и не успела стукнуть в дверь, как мама её открыла. Она ждала, прислушивалась. Этот забавный случай я иногда вспоминаю, как и то, что все-таки, струхнула, хорошо, что не растерялась. Конечно, машина помогла, но я рассчитывала, что пока он станет подниматься с колен, успею убежать, дом-то уже совсем рядом

Так что в моей жизни был случай, когда передо мною стояли на коленях. Вот как!

Наша поездка с Петей

Вскоре после выпускного вечера мы с Петей отправились в Тюменскую область. До Москвы добрались хорошо. Ночью посадка с Казанского вокзала. Тогда поезда под посадку подавали минут за 15-20 до отправления. И, конечно, создавалась едва ли не паника. А у меня чемодан, сумка и Петя, которому два года. Но он был очень послушный ребенок, не капризный. Мне повезло. Нашла я носильщика, он доставил нас в вагон, откуда поезд пойдет на посадку. Плацкартный вагон, нижнее место во втором купе. Положила чемодан под лавку, постелила Пете, он уснул. Подали под посадку, все расселись, поезд тронулся, поехали. Вдруг, вижу – в тамбуре – огонь, что-то загорелось.

Сдернула я стоп-кран, схватила Петю на руки, сумку взяла. А чемодан внизу, а в нём мой значок университетский – показать Кронида хотелось. И так мне его стало жалко, этот значок, но тут не до чемодана, хоть бы сын не сгорел! Поезд остановился. Я стою с Петей на руках, не знаю, что делать – выбежать мимо огня, или подождать. К счастью, пожар сразу же потушили (загорелась проводка), опасность миновала. Петя спал, так и не проснулся. Да почти все

пассажиры, устроившись на ночлег, не знали о нашей аварии, обошлось без паники. Дальше дорога прошла без приключений, Кронид нас встретил.

Скоро переехали в тайгу. В лесу палатка, где жили мы с Кронидом и Петей, в шалаше ночевали его товарищи – два таксатора. Место историческое – в нескольких десятках метров, дорога – Владимирский тракт, по ней шли каторжники в ссылку. Дорога без асфальта и булыжника, но укатанная, ровная. И пустынная – за те дни, что мы там жили, не проезжало ни одной машины.

«Тайга» – звучит страшно, кажется, дремучий лес. На самом деле здесь росли небольшие редкие берёзки, кустики, трава. Было солнечно и светло. Погода нас баловала, за все время ни разу не прошёл дождик, и солнце не скрывалось за тучами. Только сказывался континентальный климат – днём жарко, ночью – холодно. Потому ночью, когда мы с Петей спали в спальном мешке, и он «пудонил», доставать его в холод из мешка не решалась.

Спасала вода. Грунтовая вода стояла очень близко. Для питья и приготовления еды выкопали небольшую ямку, близко я сделала что-то вроде ванны. Стелила в неё свой плащ, наливала воду. Плащ тогда носили из плотного полиэтилена: накидка с капюшоном, без рукавов. Когда вода становилась тёплой, Петя садился в эту «ванну» и с удовольствием плескался – на солнце тепло. Там же я стирала то, что ночью становилось мокрым.

В этом ласковом лесу совсем не было страшно. К ночи приходили мужчины, я кормила. Усталые, они ложились спать. А ночью начиналось всё сначала и днём приходилось застирывать ночные Петины «грехи».

Когда переехали на другое место, Кронид поселил нас в проходных сеньях, с негостеприимной хозяйкой. Жили там дней десять. И в этих условиях у Петушка расстроился желудок. Лечили всякими таблетками, и как только наладилось его здоровье, мы с ним поехали домой. На вокзале перед приходом поезда пошли обедать в ресторан, где кроме борща ничего не было. Борщ, вкусный, но очень жирный опять нарушил Петин желудок.

По дороге Петя часто сидел на столике у окна, и однажды сказал в рифму четверостишие. Казалось, его нельзя забыть, не записала, и, конечно – забыла. До сих пор жалею.

Приехали в Москву, сдали вещи в камеру хранения. Хорошо, что ехать надо было с того же вокзала. Пошли гулять по Москве. Побывали в мавзолее. Там лежали Ленин и Сталин. Потом поехали на выставку достижений сельского хозяйства – ВДСХ. Тогда она только что открылась после реконструкции. Перед главным входом на широком поле (с газоном) стояла знаменитая скульптура Мухиной – «Рабочий и колхозница». Деревья тогда ещё не посадили, и она издали виднелась со всех сторон. Жаль, что теперь выросшие деревья не позволяют видеть скульптуру издали.

У входа – громадная толпа в кассы. Очередь на многие часы, а у нас вечером поезд домой. На наше счастье, какая-то женщина продавала билет с наценкой. Выставку эту стоило посмотреть! Прежде всего, бросалась в глаза ухоженность. Нигде ни примятой травинки, ни завядшего цветка, ни бумажки сорной на дорожках. Идеальный порядок. Я любовалась планировкой, цветами, деревьями – всё радовало. Конечно, Петя не понимал всей прелести того, что перед

ним. Позже не раз бывала на выставке, тогда она уже иначе называлась, но никогда прежней ухоженности не видела. Забегая вперед, скажу, что когда работала на Областной станции юннатов, из Москвы поступил запрос на комнатные растения в павильон юннатов. Я принесла из дома свой комнатный цветок – аспарагус. Он рос в эмалированной дырявой кастрюльке. И года через два увидела его в той же кастрюльке, в павильоне юннатов.

От посещения выставки у нас сохранились снимки. Первый вышел нечаянно. На аллее, в большом аквариуме плавали зеркальные карпы. И тот, кто снимал их, случайно захватил и Петю. Тогда кто-то из их компании захотел сделать еще несколько снимков, где будет Петя и я с ним. Позже они прислали эти фотографии, хранятся в нашем альбоме. Какая я тогда была счастливая! И знала это (фото 22).

Фото 22. С Петей на ВДНХ. 1954 г.

Всё было бы хорошо, но Петин животик потребовал внимания. Как мы искали туалет! Как меняли штанишки! Но в целом поездка и Москва оставили самые хорошие воспоминания.

Станция юннатов

Областная станция юных натуралистов размещается и сейчас напротив стадиона «Динамо», через железнодорожный путь, рядом с бывшей архиерейской рощей. Там сохранилось несколько вековых дубов. Роща известна еще во времена Петра первого. Помню, задолго до войны, бабушка возила нас с маленьким братом на трамвае в эту рощу. Мы гуляли среди редких деревьев в густой траве мне почти по пояс. Сейчас всё застроено жилыми домами.

Директор станции Мощицкий (имени-отчества совсем не помню) – худой высокий белорус с острым смуглым лицом и чёрными хитроватыми глазами, лет пятидесяти, или около того. Кроме него из управления помнится бухгалтер – крупный молчаливый мужчина с большими серыми глазами.

Завхоз жил с семьёй в домике на станции. Кружководы – Вера Михайловна (сад и огород), Мария (зоолог) и еще одна дамочка непонятная – черноглазая, с вечно растрепанными волосами (фото 23).

У меня кружок цветоводства. Детей приходило мало, чаще мы сами ухаживали за растениями.

Я постаралась из ботсада привезти несколько декоративных деревьев, кустарников. Сделала «часы». Не цветочные, а с указателем, цифры из камешков, тень от высокого шеста показывала время. На этом, пожалуй, мои новшества закончились. Просто ухаживала за цветами, они росли на грядках аллеи. Позже в теплице мы выращивали рассаду с ещё одним кружководом – Калерией, симпатичной молодой женщиной. Здесь нам помогали юннаты.

Фото 23. С кружководами Марией и Верой Михайловной (справа)

Совсем забыла рассказать о нашем методисте Филиппе Макаровиче. Невысокого роста, с большими усами, колоритный уже немолодой человек, с которым нам приходилось иногда сражаться. Он любил «пускать пыль в глаза» – давать отчеты, в которых не было, или почти не было правды. Однажды мы, кружководы, не выдержали, сказали, что этот отчет «Филькина грамота», поздно поняв сочетание выражения с его именем. Но он не выразил недовольства.

Школьников ходило к нам мало и директор стал платить не за 6 часов, а за 2, но требовал, чтобы все шесть часов мы находились на станции. Мы, конечно, возражали, но вяло. И наша зарплата составляла рублей 200-300 – всего ничего.

Рождение дочери

В этом году, 19 апреля 1955 года, без пяти минут час дня, родилась Наташа. Родила её легче, чем Петю, хотя она весила больше – 3 кг 200 г. Когда увидела на руках акушерки кругленькую попку, поняла, – родилась девочка, что мне и подтвердили. Радость рождения ребенка – всегда самая большая радость. Я не задумывалась перед этим – хочу девочку или мальчика, но девочке обрадовалась. Обрадовались и мои родители, чего не скажу о Крониде. Он даже не пришел забирать меня из роддома, сославшись на занятость.

Когда зашла речь о том, как её назвать, сказал: «Называй как хочешь, это твое дело». Почему-то я не очень огорчилась, назвала Наталией. Моей маме, наверное, хотелось, чтобы назвала Анастасией, но имя мне не нравилось. К тому же побаивалась, что из-за этого Кронид будет хуже относиться к девочке – он маму недолюбливал. Не сложились у них доверительные отношения, как и у меня со свекровью – очень были разными.

Папа хотел, чтобы я назвала Галей, не знаю, почему. Но мне казалось это нескромным, да и два человека в доме с одним именем, могли создавать не-

удобства. Потом брат назвал свою дочку Галей, к сожалению, папы уже не стало. Галей названа и моя внучка – дочка Серёжи.

Имя Наташа мне нравилось с детства. У маленького Олега няню звали Наташа. Молодая девушка приехала из деревни, малограмотная, но добрая. Помню, её учили правильно говорить. «Скажи – форточка» – «Хворточка». Так, мне помнится, и не научилась. Юбка из панёвы – домотканного материала. Отправили её учиться в вечернюю школу. Не помню, года два, кажется, она проучилась, влюбилась в своего одноклассника, вышла замуж, поступила работать на завод. Но связи с нами не теряла, приходила в гости, когда уже у меня Наташа родилась. Замужество неудачное, но двух детей вырастила. Хороший человек.

Я пыталась называть её Натка – увлеченная в то время Гайдаровскими героями. Но дома не разрешили, только – Наташа. И я помню, сказала – вырасту, будет у меня дочка, назову Наташей, буду звать Натка. (кстати, «Натки» не получилось, так никогда не называла). И ещё: мне хотелось, чтобы дочку звали, как моего руководителя – Наталию Ивановну.

Итак, когда родилась девочка, Кронид «фыркал», но очень скоро так к ней привязался, как ни к одному сыну. Она, маленькая, его умиляла. Во все последующие годы относился к ней значительно лучше, чем к мальчишкам. «Свет в окне» для него была всегда только Наталья. И она к нему относилась особенно и, видимо, по складу характера ближе.

Петя – мой сын и по внешнему виду, и по характеру, Ржаницынский. А к Наташе больше перешло от Эрдели, хотя маленькая очень походила на мою маму: по фотографиям полуторагодовалой мамы и Наташи их трудно было различить. И сейчас в характере много общего с отцом. Но больше всего в наследство от отца получил Серёжа (к сожалению, кое-что и от свекрови). Серёжа с Наташей ближе, чем с Петей.

Петя очень любил маленькую Наташу, совсем не ревновал, часто держал её на руках (фото 24-25).

На станции юннатов я проработала два года. Пришлось оставить работу по состоянию здоровья. Кронид предложил, я не стала возражать, собралась ехать с ним в командировку.

Опять забежала вперед. Вернемся к лету 1955 года. Вскоре после рождения Наташи я едва не поступила в аспирантуру к Борису Михайловичу, изменив своей физиологии растений. Но – «судьба меня хранила».

Фото 24. Петя с Наташей. 1955 г.

Фото 25. Я с Петей и Наташей. 1956 г.

Собираюсь в аспирантуру

Собственно, это не совсем верно. Я об аспирантуре в то время никак не думала: Наташе было месяца полтора. Произошло это совсем неожиданно. Шла я по проспекту, на руках в одеяльце Наташа, а навстречу – профессор Козо-Полянский. Он обрадовался:

«А я как раз хочу найти вас – поступайте ко мне в аспирантуру. Осенью у меня будет одно место. Я вижу, у вас ребенок, но это ничего – вы справитесь».

Достала я конспекты лекций Бориса Михайловича. Курса ботаники-то я не слушала в нужном объеме. Стала подчитывать. На это место оказалось три претендентки. Кроме меня – одна, закончившая кафедру генетики, другая – ботаники, ученица профессора Камышева Николая Сергеевича. Камышев в то время занимал должность проректора по научной работе. Он подписывал наши заявления о допуске к вступительным экзаменам в аспирантуру, причем, когда прошло уже месяца полтора после подачи заявлений. И на моем заявлении написал: «Отказать, за неимением достаточного стажа работы после окончания университета». На мои слова о том, что работала в ботсаду, сказал: «Это не считается. Надо отработать два года после вуза». Другие претендентки поработали больше двух лет, у них стаж был.

Как и следовало ожидать, в аспирантуру прошла его дипломница Кожевникова Лариса Игнатьевна. (Впоследствии доцент кафедры, в 1999 году ушла на «заслуженный отдых»). Я была бы для неё серьёзный конкурент, ведь меня хотел сам Борис Михайлович! Н.С. Камышев легко устранил соперницу. Только я ему за это всегда оставалась благодарна. В то время – потому, что боялась экзамена по языку. Я бы не успела хорошо его подготовить. А позже – потому,

что через несколько лет стала заниматься тем, что меня всегда привлекало – изучать жизнь растений, узнавать, почему растение растёт. И моим руководителем осталась Наталия Ивановна – человек, с которым я связана все последующие годы, как и сейчас (фото 26).

К тому же Борис Михайлович вскоре (в 1956 году) умер, Лариса, естественно, перешла к Камышеву. Мне же совсем это не улыбалось, да, собственно, и «не светило» бы.

Словом, как говорится, всё случается к лучшему в этом лучшем из миров. И я опять получила ответ на мою телеграмму: «Приезжай буду очень, очень рад».

Фото 26. Профессор Наталия Ивановна Якушкина в день своего 80-летия

Поездка на Север

Кронид обследовал северные районы Кировской области. И я, храбрая, точнее, – неразумная женщина, отправилась с двумя маленькими детьми – трех лет и нескольких месяцев от рождения, в дальнюю дорогу. Кронид встретил нас на УАЗике, повёз за несколько километров в село, где находился штаб его партии (он уже стал начальником партии). Разместил на квартире, в отдельной комнате. Здесь тепло, удобно, приятная хозяйка. Готовила я в русской печи, в том числе и манную кашу Наташе.

Далеко ходить в лес мне не приходилось, да и настоящего, большого леса близко не было. Но раза два ходила по холмам, поросшим редкими елями, однажды шла по крутому берегу вдоль реки, здесь ели были высокими. Ели очень красивы на севере. В каждом районе нашей страны есть особый, присущий этому месту «аромат», аура. Суровые ели в густом лесу выглядят совсем иначе, чем среди простора травянистых холмов. Но и здесь около них проходишь с опаской, – кажется, за ними скрывается какая-то опасность.

В этой поездке Петя заболел корью. Высокая температура держалась несколько дней, он плакал, особенно по ночам. Я боялась за него, за Наташу, чтобы не заразилась. А ночью прибавлял забот Кронид. Он ругал Петю, возмущался его громким плачем, не дающем спать.

Поразительный человек был Кронид. В нём так сочетались – глубинная доброта, незаурядный ум и отсутствие мещанства, обывательщины, бескорыстность, и вместе с тем – налёт циничности, недоверие, в чём-то скупость. Как я уже говорила, считаю, что на его прекрасные природные качества наложилось уродливое воспитание.

В этом селении состоялось его знакомство с Диной. Из Архангельска приехала на лето погостить к родственникам молодая девушка. После автомобильной аварии у неё плохо срослись кости, и она ходила с палочкой – ковыляла на уродливых ногах. Кронид всегда жалел людей физически ущербных. Любил чувствовать себя сильнее, покровительствовать слабым. Стал водить её в кино, провожал домой. Видимо, они часто встречались, много разговаривали. К моему приезду она уже уехала, он получил от неё письмо. Жена одного из таксаторов, смущаясь меня, передала ему это письмо. Но я уже знала о ней от Кронида и не видела в этом ничего плохого.

Надо сказать, что их переписка продолжилась в Воронеже и длилась несколько лет. Судя по её письмам (мне их давал читать Кронид), она в него влюбилась. И решилась на новую операцию: неправильно сросшиеся кости ломали и заживляли вновь. Операция чрезвычайно мучительная, явно она пошла на неё ради Кронида. Не знаю, что он писал, но я сама напоминала, чтобы написал, зная его нелюбовь к писанию писем.

Её письма он хранил в ящике письменного стола. И в этом я не видела ничего дурного. Но однажды, как раз я болела, – начинался полиартрит, мне стало обидно, что мои письма к нему он отдает мне, а её держит у себя. Я сказала об этом. Письма из ящика исчезли, и, похоже, стали приходить «до востребования». Не знаю, как долго продолжалась переписка. Только после нашего развода, через несколько лет, они поженились. Дина приехала в отпуск в Воронеж. Свекрови она не понравилась, говорила, что я лучше. Хотя меня в свое время весьма недолюбливала.

Брак оказался непрочным – он не захотел ехать в Архангельск, она – переезжать в Воронеж. Через год-два состоялся их официальный развод, но человека с фамилией Эрдели стало больше. Опять я забежала далеко вперед – просто, чтобы к этому больше не возвращаться.

(А вернуться пришлось. Весной 2006 года мы (Наташа) получили письмо от Дины. Она просила рассказать о последних днях Кронида, говорила о любви к нему, о том, как познакомилась тогда на севере... Наташа отдала письмо мне, чтобы я ответила. Но не получилось. Не знаю, о чём писать, ведь последние годы я и сама знала о нём мало. Мне её жалко. Живёт с дочерью, теперь уже взрослой, замуж больше не выходила).

Год 1956

Во многом памятный год. 23 августа умер папа. А перед этим весной я заболела, Кронид сказал, чтобы бросила работу, ехала с ним на полевые. Уговаривать не пришлось. В этом году таксировали леса южной части Кировской области, в районе Немы: от Кирова километров двести на юг. Но жили в основном, не в самой Неме, а недалеко, в селе.

Наша квартира на удалённой от центра села улице в несколько домов. С одной стороны – невысокий, засеянный хлебом, холм. С другой стороны – огороды спускаются к маленькому летом ручейку. За ним – холм, поросший деревьями и кустами малины. Примерно, в километре – основная часть селения, с кинотеатром и почтой, магазинами.

Хозяйка – крепкая, здоровая женщина лет под шестьдесят, добрый человек. Жила одна. Любила рассказывать, как жили раньше. «Ходили в лаптях, зимой – тоже. Валенки надевали по большим праздникам, в церковь. Хранились валенки долго, доставались от дедов к внукам. Одевались в панёву – сами её ткали, сами шили». «Это вы теперь все в штабелях ходите каждый день. А тогда ситец носили по праздникам». «Штабели» – так она называла модную в то время дешёвую ткань – штапельное полотно.

В конце улочки, сразу за околицей начинался лес со сплошным малинником. Малины в тот год созрело очень много. Однажды Кронид отпустил меня в лес, остался с детьми, и я через четыре часа принесла эмалированное ведро малины. Много было и грибов, особенно подберёзовиков. Я с детьми ходила гулять в лесок через ручей, совсем рядом с домами, и мы собирали грибы и на еду, и сушили. Собирали и малину, для еды её хватало. Дети очень любили эти прогулки. Наташа особенно восторгалась красными мухоморами. Петя уже знал разницу в съедобных подберёзовиках и ядовитых мухоморах. А больше там никаких грибов и не росло.

Здесь я получила урок «нужного тона» с мужем. Кронид собирался в центр, в сапогах, грязных после лесной «прогулки». Рядом стоял, его ожидая, местный фельдшер, мужчина лет сорока. Я взяла тряпку, щётку, говорю: «Подожди, я хоть немного сапоги твои почищу, хоть немного убегу грязь!». Кронид увернулся, а фельдшер говорит: «Женщина, которая чистит сапоги мужу, не может вызывать должного чувства. Это её унижает».

Словом, надо держать марку высоко, поставить себя совсем иначе. Для меня это было неожиданно, и многое поняла. Правда, свои ошибки в этом отношении так и не исправила.

В середине августа папе стало плохо, причем во второй раз. Я уже об этом писала, а теперь хочу рассказать, почему виню себя. Когда получила телеграмму: «Папе очень плохо», побежала на почту, сообщить, что выезжаю. А по дороге в душе говорю папе: «Держись, держись! Я скоро приеду». Но на какое-то мгновение смирилась, «отпустила» его. Примерно в эти минуты (около половины четвертого) 23 августа он умер.

Кронид был как раз дома, на другое утро я выехала, но перед этим пришла телеграмма, что папа умер. Дорога дальняя, я приехала только 26-го. Стояли жаркие дни, гроб с папой стоял в морге. Я попросила приподнять крышку. Зрелище тяжёлое, но мне хотелось увидеть его ещё раз. Крышку тут же закрыли, без неё уже нельзя.

Хоронили 27-го, но обратно мы с мамой выехали еще дня через три.

Во время моего отсутствия приехало руководство с проверкой. Кронид оставил детей на хозяйку квартиры, отправились они по лесничествам. Конечно, выпивали, и довольно крепко. По дороге мы с мамой встретили всю их кампанию. Кронид стал ругать за то, что задержалась, особенно, когда увидел маму. Приехали мы, а у Наташи всё лицо в мокрых язвочках – «огник». Фельдшер обругал меня – это бывает от грязи. Не стала я оправдываться, говорить, что меня не было. Что толку – надо лечить.

Мама все дни сидела у окна, читала. Когда она собралась ехать в Воронеж, я обрадовалась – лучше было находиться теще с зятем подальше друг от друга. Мама хотела взять с собой Петю, чтобы мне легче было возвращаться только с Наташей (я собиралась уезжать примерно через месяц, но раньше, чем Кронид).

Напрасно убеждала маму, что мне легче ехать с двумя: Петя присмотрел бы за Наташей, когда мне надо отойти, например, в туалет. Убеждения не действовали. Пришлось мне раньше времени уезжать, – поехали все вместе.

О том, что нас встретило в Воронеже, уже известно в главах о брате и о родителях, повторяться не стану.

Год 1957

Зима 1956-57 года ничем примечательным не обозначилась. Я не работала, занималась домашними делами, детьми. И с изумлением увидела, что мне это нравится. Дети послушные, времени на них вполне хватало.

Весной мы все уехали на полевые. Этой весной я особенно поняла Крониду: с приближением полевых работ состояние радостного ожидания захватывает всё больше и больше.

Так теперь мне доставляет радость ожидание дачного сезона. Как и сама дача. Наверное, в этом мы были особенно близки с Кронидом – радость от жизни среди растений. Но жизни не беспечной, а деятельной. У него это – таксация, у меня на даче – выращивание урожая, уход за растениями.

Петя тоже очень любил природу – собирать грибы, ягоды, но особенно – рыбачить. И всегда знал дорогу в лесу, легко её находил.

Часть лета и начало осени мы провели с Кронидом. Селение особенно запомнилось тем, что там жили белорусы. Несколько семей, напуганные войной и оккупацией, после освобождения переехали жить в глубину России. Надеюсь, что здесь, в случае новой войны, будут в безопасности.

Я была тогда очень худой, за что подвергалась насмешкам со стороны нашей хозяйки. Она высказывала это соседкам. Соседки её недолго любили и меня утешали – «Не горюй, ещё поправишься, потолстеешь! Я, когда приехала сюда, была такая же тощая. лягу, бывало, на спину, а живот проваливается. Теперь – смотри, какое выросло пузо!». Она, действительно, обладала весьма внушительным животиком.

Домой Кронид нас отправил до холодов, где-то начале октября. Особенно запомнилось потому, что поняла, – жду ребенка. Пошла к врачу, – третьего мы не планировали. Тем более, что жили в половине дома, то есть в одной комнате с кухонькой. В четырнадцатиметровой комнате нас с двумя детьми уже пять человек. Но надо сказать, что, если бы было можно, у нас много было бы детей. В первый год после рождения все трое плохо спали ночью, очень уставала. Только уже через год мне хотелось ещё малыша. Ещё – носить, кормить грудью, ухаживать... Потому когда врач сказала, что прошло три месяца, надо ждать, когда исполнится пять месяцев и делать выкидыш – мне нельзя иметь детей, я решила – пусть будет ещё один. «У вас родится ребенок самое позднее 22 апреля». Таков был вердикт врача. Я-то знала, что это не так. Серёжа родился 23 мая 1958 года. Он больше всех взял от Эрдели. И внешностью, и характером, и некоторыми чертами поведения.

Рождение Серёжи. Перестройка дома год 1958

До рождения Серёжи я не работала, была с детьми. И, как я уже говорила, мне это понравилось. Я была спокойна, дети послушны. Всё было хорошо. Весной состоялся суд, и нашим квартирантам предоставили государственные квартиры. Теперь весь дом принадлежал свекрови, его занимали только мы. Но он нуждался в капитальном ремонте.

Кронид сумел за зиму через кого-то из Кировской области привезти лес, необходимый для ремонта. Часть леса отвез на лесопилку, чтобы сделали доски. Часть осталась для замены нижних венцов деревянного дома – вместо тех, что сгнили. Договорился с мастерами. Они должны были дом разобрать и поставить новый. За работу заплатили лесом. Свекровь взяла ссуду на ремонт. Словом, когда после рождения Серёжи Кронид уехал, то всё наладил для перестройки.

Погода той весной стояла прохладная, и когда я уезжала в роддом, сирень еще не зацветала. В роддоме под Петровским спуском, нас не приняли – ожидался ремонт. Но сказали, что у меня двойня – судя по стуку сердца малыша, там двое. Увезли в другой родильный дом – на улице 20-летия Октября. Там всё переполнено – он один работал на весь Воронеж. Схватки начались ночью, но – слабые, а я без сил. Несколько часов так со мной мучались. Потом акушерка сказала: «Соберитесь, иначе он задохнётся!». Ну, тут уж я постаралась – откуда только силы взялись. И в половине пятого утра Серёжа появился на свет без осложнений. За те несколько дней, что я провела в роддоме, погода изменилась, и сирень уже отцветала, когда нас привезли домой.

Вопрос об имени ребенку я пока ещё не задавала. Сидели мы на диванчике, и Кронид сказал: «Понимаю, ты хочешь назвать его в честь деда. Дед был хороший человек. Пусть он будет Сергеем». Я, конечно, обрадовалась, особенно тому, что имя предложил сам Кронид. Вскоре он уехал, а мы остались со своими заботами и хлопотами.

Когда дом стали разбирать (кажется, в середине июня), я переехала с детьми жить к родителям, а свекровь поселилась в сарае у соседней. Николай

Яковлевич – домовитый хозяин, его жена Клава – худая измождённая женщина и дети – подросток Тамара и мальчик Юра. Коровы у них уже не было.

Серёжа из моих троих ребят оказался самый беспокойный. Со всеми тремя до года были проблемы по ночам, но Сергей отличился уже в роддоме. Врач говорила, что он самый горластый, хотя здоровый, не больной – такой характер. Врач говорила, что и у нее был такой же сын. Это пройдет.

В связи с этим вспоминаю забавный эпизод. Серёжа отличался ещё до своего рождения. Как-то, в последние месяцы, я прилегла, а живот у меня «ходуном ходил». Петя увидел, подошёл, спрашивает: «Мама, что у тебя там?». «А это, Петенька, твой маленький братик, скоро ты его увидишь». И Петя изумлённо: «Зачем ты его проглотила?». «Нет, Петя, не проглотила. Он там растёт. А когда придёт пора, доктор его достанет»

Я готовила детей к пополнению в семье. Мы с ними вместе радовались новому малышу, потому в детях не появлялось чувство ревности. Петя особенно заботливо относился к маленькой Наташе. Я могла отойти на несколько минут, и если полуторагодовалая Наташа пыталась уйти в запретное место, Петя поднимал крик, звал меня (фото 27).

Когда мы жили у мамы, голос Серёжи соседи слышали на третьем этаже. А дом – старой постройки, дореволюционной, кирпичный дом по улице Средне-Московской 22-24. В семидесятые годы его заняло, расширившись, музыкальное училище. Не знаю, что там сейчас.

Мы с мамой ходили ночью по улице, возили его в колясочке. (Для Серёжи купили колясочку, она была низкая, деревянная). Колясочка тряслась по булыжнику мостовой, Серёжу это немного укачивало. Утром я оставляла детей маме, шла на стройку.

Фундамент поправляла сама свекровь. Два плотника – мужчины средних лет, серьёзные, солидные, тесали дерево. Я относила обрезки, стружки в сторону. Днём бежала покормить Серёжу, к вечеру иногда возвращалась на стройку,

В мою задачу ещё входило привезти доски с лесопилки, значит, достать машину – лесовоз, и уговорить спуститься к нашему дому. Не все это соглашались делать: гора крутая. Однажды летом я привозила уголь – антрацит. И около нашего дома машина упала на бок. Никто не пострадал, только

Фото 27. Со всеми тремя – Петей, Наташей, Серёжей. 1958 г.

трудно было поставить машину на колёса. Это произошло так забавно: тихо, будто раздумывая, машина легла на правый бок. Я не успела испугаться. Водитель, чертыхаясь, вылез. За ним выбралась и я. Уголь из кузова оказался на земле без наших усилий. И как хорошо, что около дома!

Вообще летние заботы о зимнем тепле лежали на мне. Когда приезжал Кронид, уже поздно что-то заготовливать. А печка съедала много угля и дров на растопку. Редко, правда, но иногда всё же приходилось уголь носить сверху, – не все шофера рисковали ехать по крутому спуску.

Воду носили из колонки очень долго, а это метров сто сверху. Можно было и спускаться вниз: наш дом стоял как раз по середине горы. Хорошо, что зимой воду носил Кронид: по обледенелой горке ходить и без груза непросто, а уж с ведрами! И только году в 1962 поставили водоразборную колонку, как раз напротив нашей калитки. Много хлопот для этого приложил наш другой сосед – снизу – Илья Степанович, колоритный старик. Он ходил по инстанциям несколько лет. Разрешилось дело с помощью Чуриковой Виктории. Обе мы, хоть и разных лет, ученицы Наталии Ивановны. Сближало (и сближает), не только любовь к Наталии Ивановне, но и одинаковое отношение к жизни, науке, людям. Её брат занимал тогда видную должность в городском управлении, и он помог решить вопрос с колонкой. Нам поставили её за государственный счет. Только засыпать ров надо было самим. Все мы были очень рады (мы – это и соседи), ведь воды требуется немало, особенно летом. Вода нужна ещё и для полива. У нас за эти годы вырос сад перед домом – яблони, груши. А почва песчаная, быстро сохнет. Один год плодоносила даже слива. Но морозной зимой погибла, погибли и две яблони с очень сладкими яблоками. В пору цветения деревья доставляли мне много радости, утешали от всех невзгод.

Постоянно убегаю вперед.

Итак, к концу лета дом стал готов, недоставало крыши. Через каких-то знакомых достала железной черепицы, привезла. Крышу покрыли, надо очистить ржавчину и смазать олифой, чтобы не ржавела.

Дни стояли очень жаркие. На железной крыше особенно припекало. Видимо, настолько я стала красной, что свекровь испугалась – как бы удар меня не хватил, стала с крыши сгонять. А я спешу доделать и бежать кормить. Часть кормёжек проводили кефиром из молочной кухни, но грудное молоко ведь полезнее!

После строительства в доме стал один вход – со стороны реки. С этой стороны к дому пристроили коридорчик, а рядом с соседями – маленькую кухню. Эта гениальная идея пришла в голову свекрови уже после того, как дом достраивали. Ширина кухоньки метр восемьдесят, шире нельзя, так как эта сторона дома примыкала к земляной стене соседей. Их дом метра на три выше нашего.

Получилась очень маленькая, но отдельная кухня, крохотные сени и веранда. На кухне, рядом с печкой поставили водяной котёл, – от него шло водяное отопление в комнаты. Печка в комнаты тепло не давала. Надо сказать, что и

отопление тоже давало мало тепла – температура не поднималась выше 15, а чаще – 11 градусов.

Из тёплых сенец – дверь в комнату 13 метров, из неё направо – в комнату девятиметровую, за которой – комната в 14 метров. А налево, точнее – с левой стороны – в комнату свекрови, тоже четырнадцатиметровую. В проходной большой комнате стала спать Наташа, в маленькой – мальчики, а большая с правой стороны – наша с Кронидом. Правда, сначала Наташа и Серёжа спали у нас, пока не подросли

Что называется, правдами и неправдами, к приезду Кронидом дом стал готов, хотя внутри не оштукатурен, с не покрашенными полами, но мы уже стали в нём жить (фото 28). И здесь у Кронидом проявились некоторые странности. Ему не понравилось, что мы дорого заплатили за оконные рамы.

Фото 28. Около нового дома: Серёжа. Наташа. Петя. 1960 г.

«Ты могла мне написать, я бы у себя сделал их намного дешевле». «Но ты ведь знал, что нужны рамы. Почему сам не написал об этом. А потом – пока ты привёз бы их, пока вставили... Давно наступили холода, а твоя мать жила бы до сих пор на холоде в сарае!». – «Но ведь это моя мать, не твоя – чего же ты беспокоилась!». На эти слова я даже не смогла сразу ответить – разве его мать не человек, хотя и не любимый!

И ещё. Он при моей маме стал выговаривать, что не приготовила к его приезду любимую рубашку. Тут уже моя мама, обычно молчаливая по отношению к Крониду, взорвалась: «Она тебе к приезду новый дом приготовила. Ты уезжал, стоял старый дом, теперь вы живёте в новом! А у нее на руках оставалось трое детей, причем младший – грудной!».

Это на него подействовало. Не знаю, что на него нашло – сам не додумался. Но я виновата, – всегда делала так, как ему нравилось, так, как он хочет. Я бы и приготовила любимую рубашку, но только он снял её перед самым отъ-

ездом на полевые, а грязное (и чистое) белье мы положили в мешки, отнесли в сарай, к соседу, где жила свекровь. Кроме того, я с конца октября стала работать. Денег не хватало, а надо было ещё и ссуду выплачивать, её свекровь брала на ремонт дома.

Да и дом, хотя был готов для проживания, но не до конца благоустроен – не оштукатурен, с временной электропроводкой. Надо было перестраивать водяное отопление: вода плохо циркулировала, и дом плохо обогревался. Так что денег требовалось много.

И я в октябре 1958 года устроилась на работу в университет садовником-озеленителем с окладом 500 рублей в месяц. Конечно, мало, но всё же лучше, чем ничего. К тому же могла днём забежать, покормить Серёжу.

Университет – навсегда

Университет, в котором начинала работать ещё весной 1949 года, училась, и работала с перерывами, теперь остался моим бессменным рабочим домом навсегда (фото 29).

СОДЕРЖАНИЕ

Семейная жизнь	
Поклонники	
А зимой	
Замужество	
Фамилия	
Родители Кронида	
В Воронеже	
Начало моей семейной жизни	
Что такое «таксация»	
Немного деловой биографии мужа	
Поездка к Крониду	
Возвращение на учёбу	
Наталья Ивановна Якушкина	
Учёба	
Первый год семейной жизни	
Жду ребёнка	
Рождение сына	
Снова про учёбу	
Вторая поездка к Крониду	
Неожиданная встреча	
Роца декабристов	
Возвращение домой	
Наш университет	
Окончание учёбы	
Вступаю в партию	
Я – биолог	
Наша поездка с Петей	
Станция юннатов	
Рождение дочери	
Собираюсь в аспирантуру	
Поездка на Север	
Год 1956-ой	
Год 1957-ой	
Рождение Серёжи, перестройка дома	
Университет – навсегда	